

Александр Санфиров

Под покровом тайны

«Автор»

2017

Санфиров А. Ю.

Под покровом тайны / А. Ю. Санфиров — «Автор», 2017

История девочки-оборотня, ходящей между мирами. Книга на любителя. Вчитываться будет трудно. Недаром среди читателей такой разброс мнений. Сам же считаю, что в этом произведении немного поднялся в писательском мастерстве, хотя до мастера мне еще шагать и шагать. Хотя, вполне возможно этого не произойдет вообще.

© Санфиров А. Ю., 2017

© Автор, 2017

Александр Санфиров

Под покровом тайны

Александр Санфиров

* * *

– Ленка! Ленкаааа! – сквозь сон донесся громкий шепот.

Спросонья, не соображая, что происходит, я одернула бретельки сорочки и уселась в кровати, вытирая рукой ниточку слюны со щеки.

В открытом настежь окне маячила голова подружки.

– Валька, зараза, ну чего разбудила! – сердито сказала я, пытаюсь запомнить убегающие образы. – Такой сон классный снился!

– Ну, и что же тебе приснилось? – спросила Валька Клевина, ловко перебираясь через подоконник в комнату, сверкнув при этом заплаткой на трусиках.

– Валька! – ужаснулась я. – Ты что, в этих трусах на пляж собралась? Как не стыдно! Я с тобой никуда не пойду!

– Не дрейфь, подруга, – фыркнула та. – Это так, для бабушки маскировка. Мне же запретили загорать. Врачиха мамке наговорила всяких ужасов. Сейчас переоденусь. А пока, давай, выкладывай, что там тебе снилось?

– Представляешь, мне снилось, что я на вечере в школе. И меня пригласил танцевать Славка Свистунов из восьмого б. Он обнял меня за талию, и так смотрит, смотрит! – начала я вспоминать, исчезающий из памяти сон.

– Тю! – разочаровано воскликнула Валька. – Смотрит, не смотрит – разве это интересно! Вот если бы он тебя поцеловал, или обнял.

У меня, как всегда, сразу запылали щеки.

– Валя, сколько можно просить, не говори такого больше, – строго сказала я. – Вообще, надоело повторять одно и то же. Как закончили восьмой класс, тебя не узнать, совсем язык без костей.

Валька насмешливо глянула на меня.

– Глупая ты Лена – пена, отличница ты наша. Скромница-красавица.

Она повалила меня навзничь и, хихикая, начала щекотать живот.

Высвободившись, я вскочила с кровати и зашипела:

– Валька, перестань баловаться, мы не в детском саду. Хватит щекотаться.

А ну, тебя Гайзер! – та махнула рукой. – Раз шуток не понимаешь, давай собирайся, а то самые хорошие места на пляже займут.

В это время дверь в комнату открылась и к нам зашла мама.

– Здравствуйте Варвара Степановна, – сразу поздоровалась Валя.

Я уже вслед за ней успела пробормотать:

– Доброе утро мамочка.

Та, подозрительно оглядела все вокруг.

– Доброе утро, девочки. Валя, а тебе не судьба в двери, как все люди зайти? – тут же спросила она.

Валька ловко отбоярилась тем, что не хотела никого будить ранним субботним утром, увидела открытое окно, вот она и залезла.

Ну ладно, – подобрела мама. Я тесто для оладий растворила, сейчас напеку по быстрому, поедите, чайку выпьете и можете на пляж отправляться.

Не успела она выйти из комнаты, как Валя, попрыгунчиком, снова выскочила в окно, и залезла обратно, держа в руке авоську с лежащим в ней свертком. Затем быстро через голову стащила сатиновое платье и осталась только в драных трусиках.

– Видишь? – сказала она. – Как грудь выросла. Давай померяемся, спорим, моя больше. После чего мне почти в нос уперла грушевидную грудку с розовым соском.

Я молчала. А что говорить? Валька уже в прошлом году гордо бродила по пляжу в раздельном купальнике, я же надевала верх только для вида, потому, что даже нулевой размер был мне велик. В этом году ситуация оставалась почти такой же. И если бы не Валькины уговоры, я бы ни за что пошла на речку. Хорошо, хоть мама, поняв мои проблемы, вчера подшила лиф купальника изнутри поролоном, и сейчас я собиралась продемонстрировать Вальке это улучшение.

Валька, между тем, сдернула трусики и показала пальцем островок рыжих волосков на лобке.

– Видала, как у меня волосы растут, – похвасталась она, – если мальчишки щупать будут, обязательно заметят.

– Валька, перестань говорить гадости! – завопила я, и кинула в нее подушкой. – Зачем парням туда лезть? Ну, ты и дура!

– Это ты дура, – сообщила Валька, быстро надевая купальник, – блаженный ты наш комс-орг, ладно, не буду тебя больше дразнить, пошли лучше есть оладьи.

Она стремительно направилась к дверям, и мне опять не удалось похвастать усовершенствованным верхом купальника.

Когда мы зашли на кухню, там уже завтракал папа. Он уже переоделся в свой рабочий комбинезон, привычно пахнувший варом, и кожей.

– Здравствуйте дядя Лазарь, – поздоровалась Валька и уселась на табуретку рядом с ним.

– Лазарь Моисеевич, – умильно глядя на него, продолжила она. – Вы мне туфельки сможете отремонтировать, помните, я вам показывала?

Тот кивнул, и сказал:

– Отчего же не помнить, помню, приноси сама, или с Леной передай.

Тут мама начала снимать со сковородки скворчащие оладьи, и мы, временно отставив разговоры, принялись за них. Намазанные яблочным джемом оладьи, были необычайно вкусны. Через двадцать минут, все было съедено, и папа принялся, как обычно, наставлять мою беспутную подружку.

– Валюша, Лена мне говорила, что ты не хочешь дальше учиться, и планируешь поступать в медицинский техникум. Это правда?

Услышав положительный ответ, он принялся уговаривать ее продолжить учебу в школе и уже потом, поступать в мединститут, если ей так нравится медицина.

– Валя, я думаю, в наше время можно закончить десять классов и не торопиться после восьмого класса, поступать в техникум. Подумай, ты через два года станешь старше и сможешь более правильно определиться с будущей профессией. И не будешь сейчас подавать плохой пример Лене, – назидательно бубнил он.

Валька, не спорила, послушно кивала головой, якобы соглашаясь с его словами, еще бы! Ей сто процентов надо починить свои туфли. Когда папа, довольный проведенными наставлениями, отправился в мастерскую, мама, укоризненно качая головой, произнесла:

– Эх, Валя, Валя, пороть тебя некому.

– Да ладно вам тетя Варя, – хихикнув, ответила та. – Вы же знаете, что у меня дома творится. А в медучилище общагу дают. Так что поеду туда учиться, на стипендию проживу.

– Да, что с твоей стипендии, шиш, да ни шиша, – с горечью сказала мама, – наголодаешься в чужом городе. Ай, ладно, дело твое, раз мать волю дает.

Спустя полчаса, мы с Валею сбегали вниз по откосу к песчаному речному берегу, откуда доносились крики парней и девчачий визг. Время было около десяти часов, однако на пляже уже лежало и купалось множество народа, и еще больше подходило пешком, или с автобусной остановки. Шли семьями, компаниями, поодиночке. Казалось, что сегодня весь наш небольшой городок переехал сюда.

Но все же мы смогли занять свое любимое место у большой ракиты, где уже лежали несколько девочек из нашего класса, с ними точили лясы два десятиклассника. Третий натирал тряпкой свой мотоцикл.

Увидев нас, девочки радостно закричали:

– Наконец, вы появились! А нас мальчики обещали прокатить на мотоцикле, Коля даже предложил научить нас кататься.

Валя, искоса посмотрев на мальчишек, принялась стягивать с себя платье, те скромно отвернулись, хотя их никто не просил этого делать. Валька показала им язык в спины и под хохот девчонок начала расстилать покрывало. После чего пошла к парням и стала с ними шептаться. Те же откровенно разглядывали ее выдающиеся формы.

Я тоже смотрела на колышущуюся грудь подруги и отчаянно завидовала. Мне казалось, что у меня никогда не будет ничего подобного. Хотя мама, пришивая поролон, уверяла, что все будет хорошо, надо только подождать год, или два.

Я неторопливо разделась, демонстрирую новый купальник и девки с удивлением начали меня разглядывать, им, видимо, не терпелось спросить, когда у меня успела вырасти грудь, но они стеснялись сидящих рядом парней.

Тут Танька Климова что-то шепнула на ухо Любке Махаевой, и они обе засмеялись, глядя на меня.

Как обычно мои щеки вспыхнули ярким румянцем, игнорируя смех, я легла на покрывало ничком, и подставила спину летнему солнцу.

Какое-то время лежала не шевелясь, но вскоре спину начало припекать и пришлось повернуться. Парни ушли наверх вместе с Валькой, укатив с собой мотоцикл.

– Эй, недотрога, – негромко сказала Климова, – расскажи, с чего бы у тебя грудь появилась, ты же еще вчера плоскодонкой была?

Я шмыгнула носом, пытаясь не заплакать, это на какое-то время получилось.

– Молчит, еврейка, – удовлетворенно продолжила она. – Ваты напихала в чашечки и довольна. Теперь будет мальчишек кадрить.

Не желая дальше слушать Таньку, я вскочила и, собрав одежду, почти бегом ринулась от одноклассниц.

Мне удалось найти неподалеку местечко между упавшими деревьями, где был пятак песка. Там вновь разложила покрывало, улеглась на него и начала хныкать.

– За, что мне это, за что, я люблю своего папу, он хороший, добрый человек, мастер своего дела, его уважают на работе. Но иногда я его ненавижу, за то, что периодически слышу в свой адрес, – думала я, прерывая свои мысли всхлипываниями.

Как было хорошо в детском саду и первых двух классах, никто меня не трогал, учителя ставили в пример за поведение и учебу.

Но однажды в третьем классе ко мне на перемене подошел Сережка Филимонов, наш самый хулиганистый одноклассник.

– Слышь, Гайзер, а ты, правда, жидовка? – спросил он.

– Нет, – возмутилась я. – Какая я тебе жидовка, я такая же, как все, обычная. А кто такие эти жидовки, ты знаешь? – в свою очередь спросила я.

Сережка растерянно почесал голову.

– Ну, батя говорил, что жида во всем виноваты, они жадные, носатые и с черными кучерявыми волосами. А бабушка сказала, что они этого продали, как его, ну Христа вроде. И сказала, что твой отец тоже жид, хоть и сапожник.

– Неправда! – заплакала я, – сам ты жид, и родители у тебя жида!

– Ах, ты еще и обзывать! – закричал Сережка и больно дернул меня за косу. В ответ я расцарапала ему лицо ногтями. Когда учительница зашла в класс у нас была боевая ничья. Я убирала в портфель порванный фартук, а Сережка, оторванный воротник рубашки. Инга Николаевна во время урока периодически кидала взгляды на расцарапанную Сережину рожу, но так, ничего и не сказала.

Дома я первым делом убежала к папе в мастерскую. Он, как обычно, сидел на табурете в своем кожаном фартуке, перед надетым на лапу сапогом. Рот у него был полон деревянных гвоздиков, которые он заколачивал в подошву, как из пулемета.

, -Папа! – закричала я. – Меня сегодня называли жидовкой! Скажи, ведь я не жидовка, правда? И ты тоже не жид?

Папино лицо, стало серьезным. Он вынул гвоздики изо рта и аккуратно положил их на столик. Потом снял фартук и посадил меня на колени.

С минуту, крепко прижав к себе, он гладил меня по голове, потом вздохнул и начал говорить.

– Леночка, это не совсем так, но в тебе течет и моя кровь. Да я еврей, так по-настоящему называется моя национальность. Слово жид придумали те, кто по каким-то причинам не любит нас. Я предполагал, конечно, что когда-нибудь ты услышишь эти слова, но надеялся, что это случится, как можно позже.

Да, ты наполовину еврейка и наполовину русская. Так получилось. Тебе в жизни придется еще не раз услышать слова пренебрежения. Но ты всегда повторяй про себя; «говорите, что хотите, я сама все про себя знаю и уверена, что мои предки одни из самых древних и умных народов Земли».

– Я шмыгнула носом и спросила:

– А ты не врешь, действительно мы самые умные и древние, может, ты сказал это, чтобы я не плакала?

Папа засмеялся.

– Как народ в целом, так и есть. Ну, а как отдельные люди, бывает по всякому. Есть умные, есть не очень. Есть плохие, есть хорошие. Вот твой папка, к примеру, работает сапожником и вполне доволен своим занятием. Мой двоюродный брат играет в симфоническом оркестре, моя тетка – портниха. Но обувь они все заказывают у меня.

– Все понятно! – воскликнула я. – Ты самый нужный мастер, – ведь без обуви никто не сможет ходить по улице.

Ты, дочка, не поняла, – терпеливо начал объяснять папа. – Все люди хороши на своих местах, там, где могут раскрыть свои таланты. Надеюсь, что когда-нибудь и ты станешь уважаемым человеком в своей профессии.

– А тогда меня не будут больше обзывать жидовкой? – вернулась я к тому, с чего начала.

Папино лицо вновь нахмурилось.

– Леночка, надо привыкать к тому, что всегда может найтись человек, который попрекнет тебя твоим происхождением. Не нужно ссориться, ругаться, надо быть выше этого. Учись на отлично, окончи школу на пятерки, и ты всегда сможешь найти себе место в жизни.

– Папа, а как получилось, что мама на тебе поженилась? Она знала, что ты жид? – простодушно полюбопытствовала я.

Отец усмехнулся в густые усы.

– Не поженилась, а вышла замуж. Конечно, она все знала. Но ей это было неважно. Мама относится к тем хорошим людям, кто не оценивает людей по национальности. Ты же знаешь,

что мы познакомились в госпитале, сразу после войны. Я лежал там с тяжелым ранением, а она работала санитаркой.

– Да, мне мама рассказывала, – она говорила, что ты был там самым красивым пациентом, – перебила я его, – ей еще твои черные усы очень понравились.

– Ну, вот видишь, ты все знаешь, – сказал папа и встал с табурета, держа меня на руках. – А сейчас давай мое солнышко, пошли обедать, мамка сегодня готовила фаршированную щуку.

– Ура! – закричала я и зажмурилась от удовольствия, прижавшись к колючей папиной щеке. – Поехали есть рыбу фиш.

– Кто тут горько плачет? – неожиданно раздавшийся голос, прервал мои воспоминания.

На слух молодой мужской голос был мне незнаком. Я вытерла слезы и подняла голову, чтобы рассмотреть говорившего.

На стволе тополя, лежащем рядом со мной, стоял высокий мускулистый парень, на вид ему было лет девятнадцать. Странно, но в первую секунду показалось, что он намного старше. На его шее была завязана пестрая косынка, а брюки были очень странного кроя, синего цвета и прошиты желтой ниткой. На мой возмущенный взгляд он ответил такой ослепительной белозубой улыбкой, что я не смогла ему высказать свое негодование.

Подивившись странной одежде, все же нашла в себе силы буркнуть, что вовсе не плачу и в сочувствующих не нуждаюсь. После этого, гордо отвернувшись, в надежде, что парень уйдет.

Но тут рядом со мной что-то зашуршало. Пришлось вновь оглядеться. Нахал никуда не ушел, а наоборот, по-хозяйски уселся рядом на ствол тополя и слегка улыбаясь, смотрел в мое возмущенное лицо.

– Послушайте, – обратилась я к нему. – Вы видите, я загораю одна, в компаньонах не нуждаюсь, пожалуйста, оставьте меня в покое.

Он смотрел на меня удивительными светло-голубыми глазами, и казалось, что я начинаю в них тонуть.

– *Что вообще происходит?* – думала я, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

– Мне показалось, – сказал парень нерешительно. – Что тебя кто-то обидел, и просто хотел отвлечь от грустных мыслей.

– Никто меня не обижал, – сказала я, понемногу приходя в себя, – и в утешении я не нуждаюсь.

– Отлично! – улыбнулся парень. – Давай тогда просто поговорим. Кстати, меня зовут Саша, – представился он.

Я никогда в жизни не заговаривала с незнакомыми парнями. Нет, в школе, как комсомольская активистка совала свой нос везде, где только можно. Но вот с кем-то познакомиться на улице – это было слишком.

– Меня зовут Лена, – растерялась я. – Дальше не знаю, что надо говорить?

Саша, слегка улыбнувшись, сказал:

– Ну, к примеру, скажи, сколько тебе лет, в какой школе учишься? Очень хочется знать, где учится такая красивая девочка.

– *И этот надо мной издевается*, – со злостью решила я, вскочила и начала собирать вещи.

– Постой! Мы с тобой даже не поговорили! – воскликнул Саша в недоумении.

– Не о чем нам говорить, – отрезала я, надела платье и, подхватив пакет с покрывалом и книжкой, пошла вверх по косогору.

Парень, немного промедлив, пошел вслед за мной.

– погоди! – крикнул он. – Что случилось, я вроде не говорил ничего обидного.

– Да? – повернулась я к нему. – Кто меня красавицей назвал? Не стыдно так врать?

Мы стояли, смотря друг на друга, и в это время к нам подкатил, стреляя выхлопом, мотоцикл. Валька сидевшая за спиной у водителя легко соскочила с сиденья и подошла к нам.

– Ну, вот, стоило тебя на пять минут оставить, и ты уже себе спутника нашла, – сказала она, внимательно оглядывая Сашу.

– Может, познакомишь нас? – Валя сразу защебетала, усиленно строя ему глазки.

Пока я их представляла, Колька Егоров, сидевший за рулем тоже разглядывал моего недавнего знакомого.

– Наконец он встал, подошел к нам и, отжав Вальку в сторону, нахально спросил у Саши.

– Слышь, парень, ты откуда тут взялся? Я тебя раньше здесь не видел.

Тот улыбнулся и сказал:

– Приехал к родственникам на лето, решил сегодня прогуляться на пляж.

Пока мы разговаривали, Кольке замахали руками два его приятеля.

– Колька, ты чо там застрял, – закричали они.

– Да тут какой-то борзой приезжий наших девушек клеить решил, – крикнул тот в ответ, – надо бы разобраться.

У меня в животе заглодело. Они же сейчас начнут драться!

– Колька, – немедленно отойди от Саши, – громко сказала я и встала перед ним. – Не смей драться.

– Уйди, малявка, – пренебрежительно сказал тот. – Не путайся под ногами.

Он протянул руку к моему плечу и внезапно оказался на земле.

Со стороны послышался топот, на выручку к Кольке бежали оба приятеля. Саша стоял, не двигаясь, и внимательно смотрел на них. В течение следующих двух или трех минут окружающие наблюдали, как один, голый по пояс крепкий парень, валяет, как хочет трех местных заводил. Набежавшая толпа сначала с недовольством наблюдала, как их бросают на песок, но мастерство незнакомца сделало свое дело, и вскоре раздались смешки, а потом и одобрительные возгласы, когда после ловкого приема очередной страдалец борздил носом песок.

Вскоре драка прекратилась сама собой.

После нее раздались редкие хлопки довольных невиданным зрелищем очевидцев. Троица, не обращая внимания на окружающих, пошатываясь, удалилась к своему месту и принялась запивать свое поражение жигулевским пивом.

Саша, отбиваясь от желающих высказать ему одобрение, подошел к нам с Валею и сказал:

– Надо бы мне слегка придти в себя, Леночка, может, пойдем, погуляем по парку?

Валька, стоявшая рядом, открыла рот от удивления, но быстро пришла в себя.

– Конечно, пойдемте, я только платье накину, – быстро проговорила она.

Саша глянул в ее сторону и покачал головой.

– Прости, но мы с Леной договаривались пойти вдвоем, так, что извини.

Такой отповеди моя подружка еще не получала, она судорожно хлопала глазами, не зная, что сказать.

– И ты пойдешь с этим невеждой? – возмущенно спросила она. Если до этого вопроса я еще сомневалась, то сейчас все было решено.

– Конечно, Валя ты, если хочешь, можешь меня подождать, с девочками поболтать, может тебя Коля еще покатает на мотике, а я пойду, погуляю с Сашей, – мстительно ответила я.

Мы медленно шли по засыпанной хвоей тропинке старого парка. Здесь в тени было немного прохладно после жаркого пляжа. Огромные лиственницы шумели под легким ветерком.

Я не знала о чем говорить, Саша тоже не проявлял активности. Когда молчание уже стало тягостным, он все же заговорил.

– Мне нравится здесь, – сказал он, – так тихо спокойно, Лена, спасибо, что согласилась погулять со мной.

С этими словами он взял меня под руку. От неожиданности мне показалось, что его кожа горячая, как кипятки, я ойкнула и выдернула руку.

– Что-то не так? – спросил мой спутник.

– Рука, – сбивчиво пробормотала я, – твоя рука, мне показалось она очень горячая, может, у тебя температура высокая? Ты не болен, случайно?

– Тебе показалось, со мной все хорошо – ответил он и уже сам предложил взять его под руку. Я, на всякий случай поглядела по сторонам, редкие прохожие не обращали на нас никакого внимания, а знакомых поблизости не наблюдалось, и робко положила свою кисть ему на предплечье. Оно действительно было очень теплое, но не так, как показалось в первый раз.

От прикосновения стеснение почему-то прошло, и я понемногу разговорилась.

В первую очередь узнала, где у Саши остальные вещи. В ответ он махнул рукой в сторону пляжа.

– Да, я их оставил там, на берегу, пусть лежат, ничего там нет особенного.

– Ага, а откуда у тебя такие брюки, я таких не видела, это спецодежда такая? Да еще с заклепками.

Саша глянул вниз и пожал плечами.

– Ты, что джинсов никогда не видела. Их же все носят.

Я засмеялась.

– Саша, может там, откуда ты приехал, эти брюки и носят, но у нас в городе их точно нет. Мне и название это незнакомо, никогда такого не слышала. А погоди! Вспомнила! При мне папе знакомый моряк говорил, что в Америке какие-то новые штаны в моду вошли, это не они?

– Точно, они – согласился Саша и продолжил, – что-то мы не о том говорим. Расскажи лучше немного о себе.

Я глубоко вздохнула, собрала с духом и выпалила:

– Я перешла в девятый класс, отличница, комсорг класса, и мой папа еврей.

После этого впилась глазами в лицо своему собеседнику.

Саша продолжал смотреть на меня, несколько не изменившись в лице.

– Ну, что же замолчала? – сказал он, – значит ты отличница, ну, если папа у тебя еврей – это понятно, а кем он работает?

– А тебя не волнует, что ты гуляешь с еврейкой? – спросила я дрожащим голосом.

Странная ты какая-то, – удивленно сказал Саша, – если еврейка, так не человек что ли? Мне, честно сказать, это до лампочки. Но зато я понял в кого ты такая красивая.

Мне вновь захотелось убежать, скрыться, и там кричать и плакать. Но локоть спутника ловко прижал мою руку, не давая ее вырвать.

– Лена, ты куда ринулась? – шепнул он мне в ухо, – я опять что-то не то сказал? Но ты же действительно красива, у тебя такие глаза зеленые, длинные ресницы, фигура классная, я сразу тебя заметил, когда вы на пляж с подружкой пришли.

Говоря все это, он пристально смотрел мне в глаза, и я тонула, тонула в его голубых радужках.

В голове зашумело, а ноги стали подкашиваться.

Тут сильные руки подхватили меня и понесли, как пушинку. Сашино лицо было рядом с моим, и я чувствовала его дыхание, пахнущее молоком и почему-то малиной. Он сел на скамейку и посадил меня на колени.

– Господи! Что он делает со мной, – думала я, мне совсем не хотелось устраивать скандал, наоборот, хотелось сидеть у него на коленях и чувствовать его поднимающуюся плоть.

– Не надо, – тихо сказала я, – не надо, отпусти меня, пожалуйста.

Я говорила правильные слова, а в душе просила:

– Не отпускай, мне так сейчас хорошо.

Но Саша послушался того, что бы произнесено вслух, и легко посадил меня рядом с собой. Сделал он это вовремя. Потому, что почти сразу мимо прошли три бабули, которые с любопытством нас разглядывали.

– Совсем молодежь распустилась, – посетовала одна из них, – дите еще, а уже по скамейкам с парнем обжимается.

Прости, это я виноват, – сказал Саша, когда после этих слов моя кожа покраснела от макушки до самых пяток, – больше так не буду делать.

– Чего не будешь делать? – спросила я, – носить на руках не будешь?

– Нет, – слабо улыбнулся он, – не буду наваждение наводить.

– Я засмеялась.

– Какое еще наваждение? Что за сказки, ты же знаешь, что я комсомолка, и в суеверия не верю.

В ответ на эти слова, Саша пропел короткий стишок —

Ох, сама не верю я
в эти суеверия

Я засмеялась и спросила:

– Ты сам сейчас эти строчки придумал.

Саша странно посмотрел на меня и ответил:

– Ну, да, только что сочинил, – и после этого засмеялся.

Я встала со скамейки и тоже засмеявшись, сказала:

– Все, больше никаких наваждений и скамеек, прогулка закончена, пошли на пляж.

Обратная дорога оказалась не в пример короче, потому, что мой язык развязался, и я выкладывала своему новому знакомому свои немногие тайны со страшной скоростью.

Саша внимательно слушал и в нужных местах сочувственно кивал головой.

– Ну, вы и гулять! – воскликнула Валя. Она уже оделась и ждала нас у выхода из парка.

– Вот любопытная! – возмутилась я про себя, – шла бы себе домой потихоньку, так нет, надо ей все выяснить, что да как. Сейчас пристанет с расспросами.

Мы втроем прошли до места, где Саша оставил свои шмотки. Я очень боялась, что их уже украли. Но, как ни странно, все было на месте. Притом, я заметила роскошное махровое полотенце и странную майку с рисунком, только когда мы подошли к ним вплотную.

Валька, схватила большие темные очки лежащие на полотенце и начала их разглядывать.

– Ух, ты, Саша, у тебя очки импортные, и надпись на наклейке – Том Форд. Они американские?

Тот пожал плечами.

– Понятия не имею, купил в ларьке, – ответил он равнодушно.

– Хотела бы я попасть в этот ларек, – завистливо протянула Валя.

– А ты откуда к нам приехал? – продолжила она свой допрос.

– Из Калининграда, – ответил собеседник.

– А, тогда все понятно, – вздохнула Валя, – там, рядом Польша, оттуда наверно что-нибудь привозят иностранцы.

Саша быстро оделся после чего мы снова поднялись в парк и направились к выходу. Там, почти у самых ворот, стоял небольшой ларек, в котором продавали мороженое.

– Хотите пломбир? – внезапно спросил наш спутник.

Я стеснительно молчала, зато Валя энергично закивала.

Саша вытащил из кармана брюк свернутые банкноты. Отделив красную бумажку, он встал в короткую очередь.

Валька поглядела на меня круглыми от удивления глазами.

– Кто он такой? – шепотом спросила она, – в жизни столько денег не видела, у него там, наверно, рублей пятьсот.

Мне пришлось признаться, что я ничего о своем новом знакомом не выяснила, а только говорила о своих радостях и заботах.

Валя укоризненно покачала головой.

– Очень подозрительный тип, – вновь шепнула она, – приемы всякие знает, денег куры не клюют. Странный парень, по виду не скажешь, что уже работает. Больше на студента похож.

– Почему ты думаешь, что он работает, – спросила я.

– Гайзер! Ты чего? У тебя с головой все в порядке? Тебе родители столько денег доверяют с собой таскать? А студенты все нищие, у них вечно денег нет.

До меня дошло, конечно, никто из родителей не доверит нам таких денег, просто поносить в кармане.

– Так, что тут только два варианта, – заключила Валя, – или он работает, или эти деньги где-то тырил.

– Ты, что! – возразила я, – он не такой.

– Ох, Ленка, – хихикнула Валя, – романтик ты наш, тебе только «Алые паруса» читать. Я помню, как ты над ними редела в прошлом году.

В это время к нам подошел Саша и протянул нам по два пломбира.

– А почему себе не купил? – удивилась я.

На Сашином лице промелькнула почти незаметная гримаса недовольства.

– Понимаешь, просто не люблю мороженое, – признался он.

– И хорошо, – сообщила Валя, – нам больше достанется.

– А что ты любишь? – не успокаивалась я.

Юноша смущенно улыбнулся.

– Только не смейтесь, я бы съел кусок копченой колбасы. У вас она такая вкусная.

– У нас это где? – удивились мы, – в нашем городе? А в Калининграде, разве такую не делают?

Саша засмеялся.

– Делают и много, только мяса в ней нет.

– Странные истории ты рассказываешь, – недоверчиво сказала Клевина, – очки вон, импортные купил, а колбаса плохая. Разве колбаса бывает не из мяса. Ведь всех, кто ее делает, ОБХСС сразу в тюрьму посадит, а может, и расстреляют за воровство.

После колбасы Валя переключилась на Сашины синие брюки, которые он называл джинсами, пощупав материал, она сказала, что тот очень крепкий и подходит для тяжелой физической работы.

Саша рассмеялся, и сквозь смех сообщил, что мы еще не раз вспомним эти штаны в будущем.

– Слушай, – неожиданно спросила Валя, – а почему ты ушла от девочек и загорала отдельно?

Мое настроение резко упало.

– Да, так, – неохотно ответила я, – надоели они своими разговорами.

– Понятно, – нехорошо прищурилась Валя, – Гайзер, ты, когда себя как надо поставишь? Она же специально тебя обзывает. Я ведь не могу с тобой все время быть. При мне никакая сука тебе ничего бы не сказала! Почему ты, когда занимаешься комсомольскими делами, все можешь, ничего не боишься, а как тебя начинают обзывать, сразу в кусты.

Саша шел рядом и внимательно слушал наш разговор. Мне было ужасно стыдно, но я знала, что Валька теперь не отцепится, пока не выяснит, кто на этот раз меня обзывал. А завтра побежит колотить Климову, раз я сама не могу этого сделать.

Все это было неприятно слушать, поэтому, когда мы подошли к Валиному дому, я даже обрадовалась. Валя, явно не хотела с нами расставаться, но ей надо было сидеть с младшей сестрой, поэтому она с печальным выражением лица рассталась с нами.

– Ленка, – шепнула она мне напоследок, – не теряйся, но будь начеку.

Саша вежливо попрощался с ней и ловко взял меня под руку.

– Лена, ты знаешь, мне совсем не хочется домой, может, в кино сходим, – предложил он.

Я долго не раздумывала. Уже несколько дней у нас шел американский фильм приключения Сингбада – морехода. Все, кто смотрел, были в восторге. Мне ходить на него было некогда, но вчера последний экзамен был сдан, и сегодня я была свободна, как птица.

У кинотеатра, как всегда толпился народ, но к кассе стояло всего три человека. Мы встали в очередь и через пять минут держали в руках две небольших синих бумажки. Саша с интересом их разглядывал.

Я не преминула спросить.

– Ты так на билеты смотришь, как будто никогда их не видел.

Мой спутник почему-то смутился и начал сбивчиво объяснять, что у них билеты немножко другие. Попав в фойе, мы сразу прошли в буфет, где Саша купил бутылку крющона и эклеры. Признаться, его щедрость начинала меня пугать. Никто и никогда на меня так не тратился, кроме папы.

– Саша, – сказала я серьезным голосом, – пожалуйста, больше ничего не покупай мне.

– Почему, – взглянул он на меня.

– Потому, что я так хочу, – был мой ответ.

Он улыбнулся и сказал:

– Не переживай, я слышал, что говорила твоя подружка, эти деньги не краденые и не родителей, я сам их заработал. Поэтому могу тратить, как хочу.

Мои щеки снова вспыхнули пожаром, и тут спасительно прозвучал первый звонок.

У нас оказался последний ряд и места в самой середине. Поэтому пришлось пробираться мимо уже усевшихся зрителей. Однако, когда мы сели, оказалось, что на соседних с нами креслах никого нет.

Я молча подивилась такой ситуации, но ничего не говорила.

Увидев, как верчу головой, Саша усмехнулся.

– Ты разве не заметила, я купил восемь билетов. Рядом с нами никого не будет.

Услышав эти слова, я даже не знала, как поступить. Нашим мальчишкам такое даже бы в голову не пришло.

Вскоре начался фильм, и минут через двадцать я вместе с другими зрителями охала, когда увидела первого рыжего циклопа. В один из моментов, когда я схватила Сашу за руку, он обнял меня за плечи и привлек к себе.

Его губы мягко коснулись моей шеи, от неожиданного поцелуя, я чуть не вскочила.

– Саша, ты с ума сошел, – зашептала я, – не надо целоваться, я не хочу, и вообще, чем это ты колешься?

– Ничего я не колюсь, – сообщил мой спутник и демонстративно снял руку с моего плеча. Однако через минуту та вновь вернулась на место, когда жуткий циклоп, дрался с драконом колдуна. Я тронула шею, где что-то недавно кололось, но там ничего не обнаружила.

– Наверно показалось, – решила я и выбросила это событие из головы.

Когда кино закончилось, было около четырех часов дня. Я сообщила Саше, что мне пора домой, он с сожалением вздохнул и предложил проводить.

Я жутко застеснялась и попросила дойти со мной только до перекрестка, а дальше не ходить. Почему-то не хотелось, чтобы его видели мои родители. Скажут еще, что не делом занялась.

Однако провожание затянулось надолго. Саша без умолку что-то рассказывал, читал неизвестные стихи, и почему-то мы вновь оказались у реки. Там уселись в круглую, открытую всем ветрам беседку, и продолжили болтать ни о чем. Идти домой, совсем не хотелось. Однако время шло неумолимо и пришлось заканчивать нашу прогулку. Мы шли в лучах закатного солнца, с реки дул прохладный ветерок, но от Саши несло теплом, как от печки и мне не было зябко.

На перекрестке мы остановились.

– Давай завтра встретимся, – предложил мой спутник, – сходим на пляж, позагорает, потом еще куда-нибудь отправимся. Буду ждать тебя, там, где ты сегодня загорала часов в десять утра.

Я, без тени сомнения согласилась, и храбро мазнув своего кавалера губами в щеку, побежала домой.

Отца с работы еще не было, но мама уже пришла и была на взводе.

– Лена! – обратилась она ко мне, – ты, где так долго бродила, даже на обед не явилась. Кастрюли нетронутые стоят. Время седьмой час, скоро папа с работы явится. Опять Клевина тебя куда-то таскала. Не дружила бы ты с ней, оторва ведь растет, смотри, и тебя в неприятности втянет.

Мама опять принялась за свое, ей не нравилась моя дружба с Валькой, она ведь не знала и половины моих проблем с одноклассниками.

– Мамоchка, перестань, пожалуйста, мы уже об этом сто раз говорили, и вообще Валя через неделю уедет поступать в медучилище, и мы с ней и так полгода потом не увидимся, – выдала я ей в ответ, радуясь, что соскочила с темы моего сегодняшнего загула.

Но мама еще не закончила.

– Так, я не слышала ответа, где ты болталась? – строго сдвинув брови, спросила она.

– Мама, я сегодня познакомилась с замечательным парнем, представляешь, мы с ним в кино ходили! – сообщила я.

Мама тяжело вздохнула и уселась за стол.

– Так-так, ну, что же взрослеешь дочка, где ты его хоть встретила.

– Я загорала на пляже, а он подошел и сам со мной заговорил. А потом его хотели наши парни втроем побить, а он их по песку повалял, весь пляж смеялся, – начала я выкладывать события сегодняшнего дня.

– Так, он не местный? – спросила мама.

– Саша сказал, что он с Калининграда приехал в гости.

А к кому он приехал? – тут же начала уточнять мама, – как его фамилия? Кто родители?

– Мамоchка! – оскорбилась я, – спрашиваешь, как будто я замуж за него собралась, мы всего лишь в кино сходили! А ты знаешь, у него полный карман денег, одни десятки.

– О Господи! – охнула мама, – сколько хоть лет ему?

– Не знаю, – честно призналась я, – но на вид лет восемнадцать, может, немного больше. Он слышал, как Валька предположила, что деньги краденые и сказал мне, что сам заработал.

– Так Валя с вами была все время? – с надеждой в голосе спросила мама, – и в кино тоже?

– Нет, в кино мы уже вдвоем пошли, а потом по городу гуляли. Было здорово, он так много знает и рассказывает интересно. Да, он назначил мне на завтра свидание.

Мама, выглядела слегка озадаченной.

– Дочка, как-то неожиданно все произошло, не понимаю, что в тебе его могло привлечь. Увидев мой обиженный взгляд, она поспешила объяснить.

– Ну, погоди, не дуй губы, я просто имела в виду, что ты немножко отстаешь от своих сверстниц, выглядишь еще совсем девочкой, а мальчики ваши больше старшим вниманием уделяют, на собственном опыте помню. Это уже потом они с возрастом на молоденьких девиц начинают заглядываться.

– А Саша не такой! – гордо сказала я, – он честно признался, что я красивая, он меня сразу заметил, еще когда мы с Валею на пляж вышли.

Мам, ты знаешь, он такой красивый, я даже не представляла, что такие красивые парни бывают.

Мама засмеялась.

– Ха-ха, молодой, а уже дамский угодник, ну если завтра действительно у вас свидание, можешь его домой к нам привести, хочется на него взглянуть, уж очень ты про него хорошо говоришь. Посмотрю, что красавец писанный у тебя появился. Давай условимся, папе пока говорить ничего не будем, он еще расстроится, начнет тебя ругать, что слишком рано с парнями гулять начала. Он завтра целый день на работе, а мне во вторую смену, так, что приведи его к обеду. А сейчас иди, переоденься, ужинать будем, когда папа появится.

Я быстро переоделась у себя в комнатке и вышла в гостиную. Мама возилась на кухне, а я сняла салфетку с телевизора и включила его. Когда уселась перед ним, то обнаружила, что линза очень пыльная. Пришлось взять тряпку и протереть огромное выпуклое стекло, заполненное водой.

Как раз шли новости. Показывали Никиту Сергеевича Хрущева, он громко кричал о том, как мы догоним и перегоним Америку. Мне стало скучно, и я хотела уже все выключить, когда начали показывать, как он ездил в Америку и смотрел кукурузу у какого то фермера.

Я позвала маму.

– Смотри мам, какая огромная кукуруза, в ней даже взрослых не видно, У Никиты Сергеевича только лысина сверкает. А помнишь, как нас в школе в прошлом году заставили сажать кукурузу, так она мне даже по колено не выросла.

– Ох, Лена, ну что судишь о вещах, которых не понимаешь, – нервно сказала та, – я на этом экранчике не вижу ничего. Как вы только с папой его смотрите? Выключай свой ящик и иди мыть руки, папа уже дверь открывает.

Ужин пролетел незаметно. Я была в мыслях о завтрашней встрече и витала в облаках. Папа оживленно обсуждал с мамой проблемы на работе и периодически кидал в мою сторону озадаченный взгляд, удивляясь моему отсутствующему виду.

После ужина я быстро прибрала на столе, помыла посуду и ушла к себе. Папа, как всегда уткнулся в телевизор и вслух комментировал последние новости. Мама продолжала хозяйничать на кухне, ей нужно было сварить на завтра обед.

Сначала решила, как обычно, заняться вышивкой. Но сегодня ничего не получалось, мысли уходили в сторону, и я уже два раза укололась иголкой. С досадой бросила пальцы с вышивкой в корзинку, где лежали вязки мулине, и рухнула на кровать.

Снова и снова переживала этот день, вспоминала, что сказал мне Саша, и что я ему ответила, периодически заливаясь краской, за свои слова и поступки.

Я, такая вся положительная ученица, и вдруг целую парня, которого видела в первый раз в жизни. И пусть это был как бы невзаврадашний поцелуй, но он был.

– Ой! А что же завтра надеть? – неожиданно пришло в голову, – придется, наверно, платьице крепдешиновое достать.

Я вскочила и начала стучать дверцами шифоньера. На эти звуки в комнату сразу зашла мама.

Она понятно улыбнулась и сказала:

– Небось, платье свое ищешь? Оно вон в том углу висит. Я его недавно стирала. Осталось только погладить. Только осторожнее гладь, с изнанки, и утюг выключи, а то спалишь нечаянно. И носочки белые новые возьми в пакете.

Мама погладила меня по голове и присела на кровать.

– А тебе идет стрижка, папа у нас молодец, что посоветовал косы остричь. Зачем такие кудри скрывать. Кучеряшка ты моя! – ласково сказала она.

– Ага, буркнула я, – ничего хорошего, как утром волосы расчесывать, так плачу.

– Не понимаешь, ты ничего, – сказала мама, – все твои подружки через год или через два на бигудях спать будут, а тебе от природы такая красота дана. Не то, что у меня.

Мама провела рукой по своим светлым волосам, гладко зачесанным назад и схваченным в тугой узел.

– Мамочка, что ты на себя наговариваешь, все у тебя хорошо, ты очень красивая, ответила я, уселась на кровать рядом с ней и прижалась к теплому боку.

Скрипнула дверь, и в комнату заглянул папа.

– Что-то мои девушки притихли, секретничают? – спросил он с улыбкой.

– Лазарь, – сказала мама, – не мешай, можем мы немного о своем, о женском поговорить?.

– Говорите, говорите, – улыбнулся тот в усы, – но не забывайте про меня.

Иди уж, – махнула мама рукой, – сиди у ящика, ты теперь без него жить не можешь. Кстати пора нам уже другой телевизор купить. Я тут в магазине приценилась к «Рекорду» у него экран огромный, целых двадцать пять сантиметров по диагонали, может, озаботишься покупкой на следующей неделе.

Папа кивнул и закрыл дверь за собой.

– Лена, – обратилась мама ко мне, – я ханжой никогда не была, и не хочу запрещать тебе, встречаться с парнем. Но, на всякий случай, напоминаю, тебе пятнадцать лет, месячные уже год, как идут. Так, что если понесешь от кого, на одну ногу наступлю, вторую выдеру, все поняла?

Я вновь покраснела, но уже от возмущения.

– Мама! Как ты можешь так говорить! Ты мне не доверяешь?

Та виновато улыбнулась.

– Леночка, – да доверяю, я тебе доверяю. Но в жизни это случается сплошь и рядом. Ты сама не заметишь, как разрешишь делать с собой все, что захочет твой друг. А потом поздно метать бисер. Я то может, и переживу, если, не дай бог, это случится. А вот папа, ты же знаешь, что у него с сердцем проблемы, он такого позора не точно перенесет.

Я ошеломленно молчала. Моя мамочка так еще со мной не говорила. Как ни старалась сдержаться, но слезы сами потекли по щекам.

– Ну, что ты, как маленькая плачешь, – шепнула она, – я только добра тебе хочу и плохого не желаю. Гуляй со своим парнем, ничего плохого в этом нет, но границ не переходи. И не забудь, приведи его завтра, чаю хоть попить. Очень хочется поглядеть, что это за парень, которого моя привереда назвала замечательным.

Она чмокнула меня в щеку и ушла в комнату к папе.

Я переоделась и в ночнушке улеглась в кровать с книжкой Жорж Санд «Консуэло». Еще вчера увлеченно читала эту книгу, а сегодня никак не могла уловить смысла текста. Мысли путались, на меня вдруг накатила необычайная сонливость.

Последнее, что помню, дергающуюся боль в шее там, куда сегодня прикоснулся губами Саша.

Ночью проснулась, от жуткой головной боли. Очень хотелось пить и в туалет. Я выдула пол чайника кипяченой воды, сходила в туалет и снова легла.

Пока бродила в темноте голова немного успокоилась, и я почти сразу вновь уснула.

Проснулась как обычно. Глянув на ходики, обнаружила, что времени семь утра. Но солнце, как обычно, не светило в окно. Подойдя к нему, я с замиранием сердца увидела, как от крупных капель дождя на лужах вскакивают многочисленные пузыри.

Со мной же было явно, что-то не так. Комнатные запахи были необычайно сильны. От них даже заслезились глаза. Я открыла форточку и с наслаждением принялась вдыхать чистый уличный воздух, напоенный ароматом цветущей сирени, дождем и озоном.

Однако настроение быстро падало до нуля.

– И зачем так старалась? – пришла ожидаемая мысль, – придется идти в плаще и с зонтиком. А может, он испугается не придет? – обожгло внезапное подозрение.

– Нет, не может быть, он же обещал, – успокоила я себя. Накинув халат, вышла на кухню. Папа уже допивал чай. Увидев меня, он удивленно произнес:

– Леночка, доброе утро. Чего это ты не свет ни заря вылезла? Под такую погоду спать бы тебе и спать.

Тут к нам вышла мама и сразу наехала на папу.

– Что ты с утра раннего к ребенку пристаешь! Ну, не спится человеку, так чего глупые вопросы задавать.

Папа глядел в мамину сторону, раскрыв рот.

– Варя, ты чего, не с той ноги сегодня встала? Чего расшумелась? И вообще, дайте мне спокойно позавтракать, – сказал он раздраженно.

Он откусил сразу полбутерброда с сыром и сделал вид, что занят исключительно едой.

Когда папа оделся и ушел на работу, мама сочувственно посмотрела на меня.

– Доча, может, ну его... твоего парня? Погода – хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. А ты по лужам километр шлепать собираешься и куда вы под дождем пойдете? – сказала она.

– Мама! Как ты можешь так говорить! – возмутилась я, – если обещала, значит приду. Надену плащ, сапоги, зонтик возьму и через полтора часа пойду.

На пустынном пляже не было не души. Я осторожно шла по мокрой траве, стараясь не упасть на косягоре, и облегченно вздохнула лишь на песке пляжа. Чулки промокли, и по ним вода медленно подтекала в сапоги. Подолы у платья и плаща были напрочь мокрые и прилипали ногам. Но, на удивление мне было очень комфортно, и нисколько не холодно. А вот нос удивлял сегодня все больше и больше. Он чуял все, что только возможно. Вот откуда-то донесся горьковатый запах папиросы. Я посмотрела в ту сторону и увидела на песке раздавленный окурок.

– Точно «Беломор» – без труда определила я.

– Интересно, что со мной происходит, еще никогда такого не случилось? – удивлялась я.

За этими размышлениями дошла до места, где мы условились встретиться. Но там никого не было.

Я глянула на часы.

– Ну, еще без пяти десять, – подумала я, – сейчас Саша придет, он же обещал к десяти.

Но прошло пять минут, потом десять, потом полчаса, а его все не было.

Несмотря на зонт, я намокала все больше и больше.

– Все больше не жду, – наконец решила я и направились обратно в сторону дома. Перед тем, как идти на несостоявшееся свидание, мне пришла в голову плохая идея, я слегка накрасила ресницы маминой тушью, и сейчас она вся размазалась от слез. Поэтому сейчас пришлось идти, опустив голову, чтобы никто из редких прохожих не мог заметить темные потеки на моем лице.

Когда я, зареванная, мокрая и грязная ввалилась домой, мама еще не ушла.

– Леночка, что случилось? – воскликнула она, – я себе места от волнения не нахожу, на работу пора, а тебя все нет и нет. Что, не пришел твой кавалер? – сочувственно спросила она.

– Не пришеел! – заплакала я, – мамочкааа! Я как дура почти час под дождем стояла, а он не пришеел!

– Ну, бог с ним с этим кавалером, не плачь, будет их у тебя не один десяток, давай раздевайся, – начала она меня утешать, в это время, снимая с меня мокрый плащ, после чего громко ахнула.

– Да, ты мокрая до нитки! Немедленно раздевайся и марш в душ! Я пока горячую воду включу. Одежду и белье здесь снимай, а то воды по всему дому натечет.

Пока я раздевалась, на полу действительно образовалась небольшая лужица.

Когда я, голышом отправилась в ванну, мама неожиданно схватила меня за руку.

– Лена, – сказала она трагическим шепотом, – что это с тобой?

– Что? Где? – не поняла я.

Но мама продолжала внимательно разглядывать меня со всех сторон. А потом подтолкнула к трюмо.

– Иди, глянь на себя.

Я пошла туда, оставляя за собой влажные следы, и в зеркале увидела невысокую заплаканную девочку, со спутанными мокрыми кудрями и слегка выдающимися холмиками грудей.

– Как же так? – выдавила я, – ведь еще вчера ничего не было, неужели за ночь выросли?

– Ну, вот, а сколько переживаний было зря, – сообщила мама, – все у тебя, как у людей, ладно, иди в душ прогрейся хорошенько. Чистое белье я тебе положила. Обед готов, где, что взять, знаешь. А я побежала, и так из-за тебя опаздываю.

Когда за мамой закрылась дверь я все еще стояла перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон. Мама переживала совершенно зря, я совсем не замерзла, падающая с неба вода казалась теплой и приятной. Но в душ все же пошла, надо было помыться и привести себя в порядок.

После душа на меня напал зверский аппетит, я смолотила большую тарелку щей и картошки с мясом, выпив стакан компота, наконец, почувствовала себя человеком. Хотя я все еще переживала в душе, что Саша не пришел на встречу, но это уже было не так остро, как там на берегу.

Усевшись на диван, принялась искать ему оправдания.

– Может, он не смог прийти, по каким-то важным причинам, может, его родители не отпустили в дождь. Не у всех же такие хорошие родители, как у меня.

Так перечисляя все возможные причины, я и уснула.

Когда проснулась в окно ярко светило солнце. От дождя, лившего почти весь день, напоянием остались лишь лужи на асфальте. Я поставила на газ чайник, и побрела в к зеркалу, там расстегнула халат и снова посмотрела грудь. Действительно два маленьких белых холмика оставались на месте и никуда не исчезли. Я осторожно тронула розовый сосок, и он отозвался легкой болью. Второй вел себя точно также. Меня начала охватывать паника но, когда вспомнила, как Валька говорила, что у нее тоже немножко болела грудь, перед тем, как начать расти, немного успокоилась.

Чайник закипел, я заварила любимый мамин тридцать шестой номер грузинского чая и уже собиралась налить себе чашку, когда в двери постучали.

Я чертыхнулась и направилась к дверям. На пороге стояла Клевина.

Мне стало смешно.

– Валя привет! Что решила мамин наказ выполнять, входить через дверь?

– Привет Гайзер, – выпалила та, – ничего я не выполняю. У тебя просто сегодня окно закрыто. А дождь, между прочим, уже час как закончился. Ну, давай рассказывай, что там у вас с этим Сашей было, не тяни. Я от любопытства умираю.

– Чай пить будешь? – вместо ответа предложила я.

– Да, ну тебя! Какой чай? Давай рассказывай быстрее. Вы целовались? – нетерпеливо спросила Клевина.

– Валя, ты, что? – возмутилась я, – никаких поцелуев. Мы с ним в кино ходили, на Сингбада-Морехода, а потом он меня домой проводил.

– А на каком ряду в кино сидели? – хитро прищурилась подруга.

– На последнем, – покраснев, призналась я.

– Вот это похоже на правду, – сообщила Валя, – ты разве не заметила Юрку Феклистова, он в этом же ряду сидел. Так он мне рассказал, что вы всю дорогу сосались.

– Неправда! – вспыхнула я, – врун твой Юрка, меня Саша всего один раз поцеловал в шею, вот сюда.

И ткнула пальцем в небольшой плотный бугорок, который оказался на месте поцелуя.

– А, что это у тебя там? – Валя стала серьезней, – успокойся, я про Юрку наврала, никто тебя в кино не видел. А вот на шее у тебя засос остался.

– Какой засос? – испугалась я и почти побежала к зеркалу.

На шее, действительно, было небольшое темное пятнышко, под которым пальцем ощущался маленький, немного болезненный бугорок.

Валька внимательно наблюдала за моими манипуляциями, а потом сама потрогала это место.

– Лена, – сказала она, – нет, на засос совсем не похоже, я на днях у Катки разглядывала на сиське, так у нее он багровый и никаких бугорков нет. Может, тебе показалось, что он тебя сюда поцеловал. Здесь, наверно воспаление какое-то, если не пройдет, сходи завтра к врачу.

Ой, Клевина, вечно ты что-нибудь выдумаешь! – сказала я, – никуда я не пойду. Подумаешь бугорок.

– Не скажи, – протянула Валя, – я вчера у сеструхи учебник рассматривала по венерическим болезням, там черным по белому написано, что сифилис может так начаться, вначале пятнышко, потом бугорок, язвочка, а потом лет через пять, нос проваливается.

– Мне стало жарко, сразу вспомнилась про женщину, которая жила неподалеку. Я ее часто встречала в магазине. У нее было страшное лицо – вместо носа черная дыра. Мальчишки дразнили ее сифилитичкой.

– Валя! – упавшим голосом спросила я, – а как скоро после поцелуя такое происходит, в учебнике наверно написано было?

– Ну, я точно не помню, но вроде через две недели, – замялась та.

– Тогда, зачем ты меня пугаешь, дура! – закричала я, – откуда этот сифилис возьмется на следующий день! Ох, Валька! Ну, ты на меня жути напустила, я чуть от страха не описалась.

– Да, ладно, я так на всякий случай сказала, чтобы ты серьезней отнеслась. Слушай, ты говорила, что у тебя из Кругозора две новые пластинки есть с Майей Кристалинской. Давай послушаем, – примирительно сообщила Клевина.

– Валя, ты всегда так, сначала как по голове портфелем стукнешь, напугаешь, а потом, пластинку тебе ставь, проворчала я и полезла в этажерку за последним номером журнала Кругозор, в котором была пластинка с Таежным вальсом.

Я включила радиолу, поставила новую иголку в адаптер и осторожно поставила ее на крутящуюся тонкую голубую пластинку.

Сквозь шипение и треск до нас донесся голос певицы. Валя слушала песню, наморщив лоб и, когда она закончилась, сказала:

– Нет, зря ты Кругозор выписываешь, очень уж плохо записано. Лучше пластинку в магазине «Мелодия» купить, плохо только, что мне это не светит. Денег на пластинки нет, и не будет. Мамка опять с животом ходит.

– Да, ты что, – поразились я, – опять беременная, вот здорово! У тебя теперь уже пятая сестренка будет.

– Чего тут хорошего, – мрачно сообщила Валя, – отец снова запил, денег нет. Хорошо бабушка немного помогает, но у нее пенсия тридцать два рубля, ей самой только-только прожить. Скорей бы уехать, глаза мои бы этого всего не видели.

Я помолчала, а что тут можно было сказать. Подруга очень редко жаловалась на родителей, но иногда ее прорывало, как сегодня.

– Валя, так ведь в медучилище нужно будет без троек учиться, чтобы стипендию получать, – осторожно намекнула я.

– Ничего страшного, – та махнула рукой, – если, что пойду уборщицей по вечерам подрабатывать, сама знаешь, мне не в первый раз.

Конечно, я знала про то, что Валя вместе с матерью, убирает по вечерам в Горсовете. Я сама ей помогала, пару раз, когда у нее приболела мама. Ходили мы туда втроем, с нами была Валина старшая сестра Катя, высокая крепкая девушка, она одна успевала вымыть полов больше, чем мы с Вале́й.

Мои родители ничего против мытья полов не имели. Папа даже сказал, что такая работа очень здорово помогает научиться ценить чужой труд.

Я все же усадила подругу за стол, мы с ней выпили чаю с баранками и начали обсуждать, куда сегодня пойти. О том, что случилось сегодня утром, я молчала, как партизан, и Валя была уверена, что я проспала до обеда и никуда не выходила.

Поэтому ее вопрос, договорились ли мы с Сашей встретиться, был ожидаем.

В ответ, я соврала, что он с родителями должен сегодня уехать в куда-то в деревню, на две недели и обещал, что напишет мне письмо оттуда.

Валя с подозрением поглядела на меня, но никак не прокомментировала. И мы начали вновь думать, куда сейчас отправиться.

– А давай, пойдем на танцы, – глядя смеющимися глазами, предложила Валентина.

Она, наверняка ожидала обычной реакции, когда я начинала размахивать руками, кричать, что нечего нам больше делать, как шляться комсомолкам по всяким танцулькам, где полно хулиганов и пьяниц.

Поэтому когда я согласилась, Валя посмотрела на меня, открыв рот.

– Ленка! – воскликнула она, – ты ли это? Неужели пойдешь на танцы?

– Пойду, – сказала я решительно, – надо же когда-нибудь там побывать. Только мне нужно папу с работы дожидаться, ужином накормить.

– Отлично, – согласилась подруга, – давай занимайся делами, а я пока сбегая домой немного приоденусь, время седьмой час, через полтора часа я за тобой зайду.

Нельзя сказать, что папа радостно согласился на поход на танцплощадку, но, все же слегка нахмурившись, разрешил, только сказал, чтобы в половину двенадцатого была дома, как штык.

– Даже не верится, – сказал он, – моя малышка идет на танцы. Боже, какой я уже старый!

Я пошла к себе и, вытряхнув всю одежду из шкафа начала подбирать наряд.

Вариантов было совсем немного, поэтому подумав, надела темную плиссированную юбку и белую блузку, покрутившись у зеркала, расчесала частым гребнем волосы.

– Папа, – посмотри, тебе нравится? – спросила я, выйдя в гостиную.

Отец уже сидел около телевизора. Он повернулся ко мне и улыбнулся.

– Лена, какая ты у нас взрослая и красивая. Все парни будут твои, – сказал он.

Вот еще! очень нужно! – презрительно фыркнула я, – на фиг они мне сдались!

– А чего же тогда идешь на танцплощадку? – папа задал очевидный вопрос.

– Ну, мы просто с Вале́й договорились, сходить, музыку послушать, там оркестр песни Битлз играет, и еще Элвиса Пресли, – вдохновенно врала я.

– Что еще за Элвис? Тот который буги-вуги разные орет? – спросил отец, – ты смотри не вздумай под эту музыку танцевать. А вальсы то они будут играть.

– Ой, папа, я понятия не имею, ты же знаешь, я в парке вечером не была ни разу, вы же в прошлом году не разрешали на танцы ходить, А вот Вале́ю, мама уже прошлым летом отпустила.

– Меня не волнует, в каком возрасте кто кого отпускает, – сообщил отец, – это дело ее родителей, Еще раз предупреждаю, после танцев не болтайте, сразу домой, а то пойду искать.

В это время в двери без стука ввалилась Клевина. На ней было красивое платье, но немного большеватое, видимо она взяла его у старшей сестры. На голове был завязан платок, который скрывал накрученные бумажки.

– Добрый вечер Лазарь Моисеевич! – воскликнула она и сразу обратилась ко мне.

– Лена ты уже все, готова?

– Конечно, – ответила я.

– Отлично! Тогда мне сейчас голову в порядок приведешь и пойдем.

Папа сразу пристал к подруге с наказаниями.

– Валя, я тебя попрошу, чтобы друг друга там не оставляли и домой вместе пошли.

Валка хихикнула.

Лазарь Моисеевич, а если меня мальчик домой пойдет провожать, как тут быть? – спросила она.

– Очень просто, – не растерялся папа, – вначале проводите Лену до дома, а потом гуляйте сколько хотите.

– А если Лену провожать, кто-то пойдет? – не успокаивалась Клевина.

– Хм, – хитро улыбнулся папа, – Лена только что сказала, что ей парни на фиг не нужны, так, что придется тебе с твоим кавалером ее до дома довести.

Мы посмеялись и ушли с Вале́й, делать ей прическу. Бумажные фантики, на которые она накрутила волосы, я выкинула в мусорное ведро, и теперь беспомощно смотрела на смешные завитки, которые от расчески сразу раскручивались и висели, как пакля.

– Тоже придумала бигуди! В этих бумажках не то, что час, надо сутки ходить. Давай лучше тебе начес сделаем, – предложила я.

Валка огорченно глянула на себя в зеркало, и согласно кивнула головой.

Когда я закончила с прической, подруга предложила мне свои духи «Красная Москва», но у меня от резкого запаха, даже перекрыло дыхание, я несколько секунд пыталась безуспешно вдохнуть, и только после того, как Клевина треснула меня кулаком по спине, дыхание пришло в норму.

– Валка, – кашляя, сказала я, – пожалуйста, не открывай больше этот флакончик, я точно задохнусь.

Подруга что-то обиженно проворчала и убрала духи в сумочку. Затем достала тюбик с ярко-красной помадой и накрасила губы.

– Эх! – с сожалением сказала она, – Любка спрятала голубые тени от меня, ей приятель моряк из Польши привез. Сейчас бы марафет навели.

Я с осуждением посмотрела на нее.

– Валя, как тебе не стыдно, мы не должны пользоваться косметикой.

В ответ Валя вздохнула и сказала:

– Конечно, Гайзер, тебе легко говорить, прическу делать не надо, волосы кудрявые, темный каштан, брови как моя бабушка говорит – соболиные, и глаза ярко зеленые. А мне, как быть? Только косметика и спасает.

Подобные рассуждения от подруги я слышала не первый раз, но всегда считала, что она меня утешает, по причине моего «плоскодонства».

И сейчас не удержалась и расстегнула блузку.

– Валка, посмотри на меня, – шепнула я ей прямо в ухо.

У Клевиной глаза стали широкими.

– Ленка, ну ты даешь! Я даже не заметила, когда это случилось. Слушай, твои титки уже на первый размер выросли. Ну, все, теперь тебя тоже в школьной раздевалке будут парни зажимать.

Мне стало смешно, и почему моя подруга все вечно переводит на парней и всякие зажимания.

– Валя, я давно заметила, что в раздевалке зажимают тех, кто сам этого хочет. Вот Таньку Ковригину никто не трогает, а у нее грудь больше чем у тебя, – наставительно сказала я, – потому, что она серьезная девочка и не дает повода для этого.

– Ой! Нашла, кого в пример привести, – возмутилась Валька, – зануду и стукачку. Может, ей бы и хотелось, что бы ее где-нибудь зажали, да дураков нет с ней связываться.

А вообще, ты наверно, права, к тебе точно не будут парни приставать, есть в тебе, что-то такое – командирское, мальчишкам это не нравится, – призналась она.

Мы медленно шли по проспекту Ленина, редкие машины не мешали гуляющим по тротуару и прямо по дороге людям. Чем ближе подходили к парку Культуры и Отдыха, тем громче была слышна музыка, и все больше оживленных стаяк девчонок и парней двигались в ту же сторону. Когда мы зашли в парк, круто спускающийся к берегу озера, то сверху могли видеть волнующееся море голов на огороженной высоким забором в два человеческих роста, танцплощадке. Это море ритмично двигалось под пронзительный дискант певца.

Well be-bop-a-lula she's my baby,
Be-bop-a-lula I don't mean maybe.
Be-bop-a-lula she's my baby
Be-bop-a-lula I don't mean maybe
Be-bop-a-lula she's my baby love,
My baby love, my baby love.

Валя дернула меня за руку.

– Давай, пошли быстрее, скоро у оркестра перерыв начнется, они после этой песни что-нибудь медленное играют и белый танец объявляют.

– Ну, и что? – удивилась я, – ты, что хочешь кого-то пригласить? Да в этой толпе никто никого не найдет.

Валя в ответ улыбнулась, продолжая тащить меня за руку к кассе.

– Чтобы ты понимала! Там все стоят на своих местах. Сейчас зайдем, и увидишь, вон в том углу полшколы нашей пляшет, – говорила она, немного задышавшись от быстрой ходьбы.

Около входа на танцплощадку стояли компании парней, провожающих нас оценивающими взглядами. Я чувствовала себя неуютно, а вот Валя, наоборот вся цвела, и только шептала мне на ухо.

– Ты глянь, как на тебя тот светленький вылупился!

Мы быстро купили билеты, прошли контролера и милиционера, проводившего нас равнодушным взглядом. Валька влекла меня вперед, через толпу, ближе к эстраде. И тут я уже начала узнавать учеников нашей школы. Там стояли несколько десятиклассников, там девчонки из параллельных классов. А вот наших парней я не увидела.

– А кому из них ходить, – пренебрежительно сказала Клевина, отвечая на мой вопрос, – они все от горшка два вершка. Вот Свистунов, ты же вчера о нем вспоминала, точно здесь будет.

Она хитро улыбнулась.

– А вот и он, легок на помине, видишь, там стоит с ребятами. Сейчас белый танец объявят, сходи, пригласи, твой вчерашний сон сбудется.

– Да, ну, тебя Валька, никого не буду приглашать, – смутилась я, – а вдруг он откажется, я тогда умру от стыда.

– Ой! Умрешь ты, как же, – скептически ответила подруга, лихорадочно выискивая кого-то в толпе.

– Ну, все, Ленка, я пошла, – крикнула она и под звуки зазвучавшей музыки ринулась приглашать на танец десятиклассника Васюку Боброва, нашего чемпиона по вольной борьбе.

Я, оставшись одна, отошла к ограде и стояла, разглядывая танцующие пары. Рядом несколько парней кого-то обсуждали громко матерясь. Слушать было неприятно, но уходить не хотелось, я боялась, что Валя меня не найдет.

Периодически к груди накатывала дурнота от множества запахов. Усилием воли я пыталась ее подавить, иногда это получалось, запахи исчезали, но потом появлялись вновь.

Кто-то тронул меня за плечо. Обернувшись, я увидела Кольку Егорова, который вчера с друзьями безуспешно пытался разобраться с Сашей.

– Послушай, – обратился он ко мне, – тебя вроде Леной зовут?

Я согласно кивнула.

– Лена, расскажи о том парне, что с тобой был, кто он такой, где живет? – попросил он.

– А зачем это тебе? – спросила я, – хочешь еще в глаз получить?

– С чего ты взяла? Мы ему вчера хорошо рыло начистили, – Колька принужденно засмеялся, – но надо бы еще добавить. Давай рассказывай, не телись!

– А нечего рассказывать, – сообщила я, – ничего про него не знаю.

– Не сочиняй! – начал злиться Колька, – ты вчера с ним до вечера болталась даже в кино была.

– Ну и что? – удивилась я, – он мне почти ничего про себя не рассказал. Понятия не имею, где он здесь живет, да, он говорил, что приехал с Калининграда.

– Колька задумчиво хмыкнул, распространяя запах перегара.

– Вермут... красный, – безошибочно определил мой нос, – наши мальчишки таким же на восьмое Марта упились в кабинете домоводства, потом блевали за кочегаркой, а мы как дуры полдня им всякие салаты готовили. И сигареты у него Памир. Ну, и вонь! Господи! Когда же он уйдет? Меня же вырвет сейчас!

Видимо я побледнела, потому, что он спросил:

– Эй, что с тобой, ты испугалась?

– Уйди, – прошептала я, – меня сейчас вытошнит.

– Ого, так ты подруга винища нажралась! – завопил Колька в полном восторге, – ни хрена себе девятый класс дает!

– Меня от тебя тошнит, – собравшись с духом, сказала я.

Смех сразу оборвался.

Колька со странным выражением оглядел меня.

– Думаешь, если девчонка, так тебе в таблю не прилетит? Считаешь поэтому всякую херню можно нести? – спросил он угрожающе.

Видимо мой испуг был хорошо замечен, потому, что он с превосходством посмотрел на меня и сказал:

– Не ссы, бить не буду, тебя от одной моей плюхи неделю придется в чувство приводить.

Неожиданным, внутренним чувством я вдруг поняла, что он хочет меня щелкнуть по лбу. Сама не понимаю, как, я стремительно отстранилась, шагнув в сторону, и Колькина рука попала в пустое место.

Он недоуменно моргнул и перевел взгляд на меня.

– Ты, как это сделала? У меня же реакция отличная! – воскликнул он, – я даже не увидел, как ты сдвинулась.

Я и сама этого не понимала. К тошноте сейчас прибавилась резкая боль в ногах. Мне пришлось даже присесть на одну из скамеек, стоявших вдоль ограды.

– Уйди, пожалуйста, – вновь попросила я Егорова, – от тебя сигаретами пахнет, мне плохо от этого.

Колька зыркнул исподлобья и, ничего не сказав, ушел к своим приятелям.

Когда появилась запыхавшаяся Клевина, я все еще растирала икры. Боль в них понемногу стихала.

– Наверно, это от резкого движения, – догадалась я.

– Лена, чего ноги трещь? – спросила Валя, – устала стоять?

Я без подробностей сообщила, что ногу схватила судорога, а то с Вальки еще станется пойти разбираться с Егоровым.

Клевина в ответ назидательно сообщила:

– Это, оттого, что ты стоишь, а надо танцевать. Сейчас быстрый танец будет, пойдем с тобой твист спляшем. Ноги сразу болеть перестанут. И вообще, давай, присматривай себе парня, а меня сегодня Васька домой провожает.

Вновь загремела музыка и солист оркестра голосом, весьма отдаленно напоминающим Леннона, запел исковерканные английские слова:

Come on let's twist again
like we did last summer!
Yeaaaah, let's twist again,
like we did last year!

Валька завизжала и потащила меня к танцующим. Первые движения еще немного отзывались болью в ногах, но затем я целиком отдалась музыке и, улыбаясь, танцевала напротив Вали.

– А у вас неплохо, получается! – крикнул, влезший между нами, Славка Свистунов, – можно я с вами потанцую?

Валька из-за его спины, обрадовано мне жестикулировала, дескать, давай действуй.

Я, продолжая танцевать, кивнула головой и немного сдвинулась, освобождая Славке немного места.

Мы танцевали пару минут, потом оркестр без перерыва заиграл «Падает снег». Славка таинственно улыбнулся и обнял меня за талию. На этот раз мой нос не протестовал, хотя от разгоряченного парня сильно пахло потом и тройным одеколоном. Мы медленно танцевали среди сотен таких пар, иногда натываясь на соседей. Чувства ритма у партнера не было никакого, поэтому пришлось взять на себя эту задачу, к моему удивлению Славка сразу понял это и послушно следовал моим движениям. Я все надеялась, что во время танца он заговорит, но этого так и не случилось. После танца он молча поклонился и отошел к своим приятелям, от которых сразу донесся взрыв хохота.

– Ну, что он тебе что-нибудь сказал? – сразу начала меня допрашивать Валя.

Пришлось признаться, что тот молчал всю дорогу.

Вечер прошел незаметно, я очень быстро освоилась и танцевала все быстрые танцы. Валя, попрыгав со мной пару раз, начала отлынивать и ворчать, что я загоняла ее и вообще, она сюда пришла не физкультурой заниматься. Меня еще пару раз приглашал танцевать Свистунов, он уныло дышал мне в ухо и старался держаться на расстоянии, чтобы случайно не ткнуться стоячим членом мне в ногу. Каждый раз, когда это случалось, он вздрагивал и отстранялся. Мне было смешно, и я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– А он у него большой, – первым делом спросила Валька, когда я, хихикая, рассказала об этом.

Я еще больше засмеялась и сквозь смех сказала:

– Откуда мне знать, я же не измеряла.

– А у Васьки большой, – гордо сообщила Клевина, как будто это была ее заслуга.

– А ты, чем измерила? – тут же спросила я, и мы начали хохотать уже вдвоем.

В одиннадцать вечера оркестр закончил игру, и музыканты начали собирать инструменты.

Валька стояла передо мной с виноватым видом, ее сзади облапил Бобров, положив ладони прямо на грудь.

– Лена, прости, – шепнула она, – меня Вася пойдет провожать, а тебя, похоже, Свистунов дожидается, ты с ним до дома дойдешь?

– Ладно, – великодушно сказала я, – идите, меня, надеюсь, Славка проводит, недаром у выхода ошивается.

Парочка засмеялась и, взявшись за руки, двинулась вперед. Я пошла за ними, немного завидую Клевиной, которая трещала, как сорока, сама же напряженно думала, о чем говорить со Славкой.

Но когда подошла к нему, слова неожиданно быстро нашлись.

– Славик, ты наверно меня ожидаешь? – затараторила я и взяла его под руку, – ну, вот я пришла, ты же меня проводишь?

Парень от моего нахальства, потерял дар речи и только глупо моргал.

Я двинулась вперед, увлекая его за собой. Пока мы шли по парку, не сказали ни слова друг другу. Но потом понемногу разговорились, начали обсуждать одноклассников, наши комсомольские дела, Славка, как и я, был в классе комсоргом и ему эта тема была интересна. Он с удовольствием выкладывал свои планы на будущее, я даже начала ему немного завидовать, настолько у него было все продумано.

Улицы, по мере того, как мы уходили от парка, становились все более пустыми. Неожиданно из-за угла дома впереди нас вышли трое парней и остановились.

От Свистунова пахло странным запахом, глянув на него, я обнаружила, что он сильно побледнел. На миг он остановился, затем нерешительно пошел вперед.

– Да это же от него страхом несет! – поняла я. Мне тоже стало немного страшно, но такого резкого запаха от меня не было.

Когда мы подошли ближе, я сразу узнала, кто нас поджидает. Перед нами с радостной улыбкой стоял известный школьный хулиган Вовка Ситюков. Его исключили из школы в прошлом году, и с тех пор я о нем не слышала, рядом с ним стояли его ухмыляющиеся приятели Юрка Петров и Алик Суворов по кличке Пончик.

– Кого я вижу! – радостно воскликнул Вовка, – Свистун, как дела? Ты никак очередную девку провожаешь? А кто это с тобой? Ленка, ты, что по танцулькам начала ходить? – засмеялся он, – вот сейчас посмотришь, как мы твоего кавалера попинаем. Давно хотел его отмудохать, так он все не попадался.

Славка, стоявший, как статуя, вдруг резко выдернул руку, за которую я держалась, повернулся и побежал обратно по улице.

Троица громко улюлюкала ему вслед.

– Беги быстрее провожальщик херов! – крикнул ему вдогонку и Вовка и, потеряв к этому зрелищу интерес, повернулся ко мне.

– Слышь, Ленка, – сказал он, осматривая меня с головы до ног, – а ты вроде ничего баба становишься, тощеватая, правда, но красивая. Как вы парни думаете?

Пончик посмотрел на меня мрачным взглядом.

– Че ты выдумываешь Ситюк, че в ней хорошего? Даже сисек нету, – сказал он, скептически оглядывая меня.

Я все еще не пришла в себя после панического бегства своего кавалера. Первое, что пришло в голову, была мысль:

– Неужели этот высокий красивый блондин испугался трех мальчишек, каждый из которых был явно слабее и младше, чем он?

Потом я подумала, что он без раздумий оставил меня наедине с тремя хулиганами и слезы обиды сами потекли из глаз.

– Сейчас пощупаю, есть ли у нее сиськи или нет, – сказал Юрка Петров и решительно шагнул ко мне.

– Не подходи! – завизжала я, выставив перед собой руки.

Но Пончик сбоку ловко поймал их и завел за спину. Юрка подошел и не торопясь, стал аккуратно расстегивать пуговицы на блузке.

– Не бойся, – сказал он хрипло дыша куревом, – ничего не оторву. Слышь, Пончик, – сказал он громко, – а сиськи у нее есть, ни чо такие, розовые.

Внезапно страх, который овладел мной начал уходить. Лавина спокойствия затопила мою голову. Окружающие звуки замедлялись и становились все ниже, пока не превратились в тихий гул. Движения моих мучителей казалось, совсем остановились.

Я шевельнула руками и легко высвободила их из захвата.

Отскочив назад, увидела полностью странную картину:

Рядом со мной стояли трое почти неподвижных мальчишек. У двоих открыты рты, как будто они хотят что-то сказать друг другу. Суворов стоит с болезненной гримасой на лице, поднося к нему руки.

– Получи гадина, – крикнула я и со всей своей силы ударила ладонью по щеке Юрку Петрова.

Эффект был потрясающий, парня, как будто сдуло. Он тяжело упал на землю и проехал по ней пару метров.

Я удивленно смотрела на свою худенькую ладошку.

– Это что? Я так, оказывается, могу стукнуть! Быть этого не может!

Я оглядела еще раз неподвижно лежащего Юрку и торопливо зашагала в сторону дома, застегивая блузку.

Удалось пройти метров триста, как меня повело в сторону, застывший в неподвижности мир вновь пришел в движение. Но на меня навалилась такая жуткая слабость, что я думала лишь об одном.

– Только бы не упасть, не упасть!

Я шла, автоматически переставляя ноги, не понимая, что делается вокруг, понемногу слабость несколько уменьшилась, и мой шаг стал бодрее.

Когда подошла к двери квартиры и хотела позвонить, она уже открывалась. За дверями стояла мама. Она первым делом оглядела меня с ног до головы, потом отошла в сторону и пропустила к вешалке. Вид у нее был усталый и озабоченный.

Я робко спросила:

– Мама, ты чего такая стоишь?

Какая такая? – переспросила та.

– Ну, уставшая. Злая, – уточнила я.

– Да не злая я нисколько, – начала оправдываться она.

Тут в коридор выглянул папа и бодро заявил:

– Тебе доча повезло, не слышала, что мне мама наговорила, за то, что тебя отпустил.

Сейчас она уже слегка успокоилась. А ведь сама на танцы в этом же возрасте бегала.

– Ну вы родители даете! – восхитилась я, – время почти двенадцать, а вы еще не спите, меня ждали?

– Конечно, – улыбаясь, сказал папа, – мать мне все шею мылила, а так бы я давно храпел.

– Да ладно тебе сочинять, – сказала мама, – сам тут по окнам бегал глядеть, мне только нервы трепал.

– Лена, – обратилась она ко мне, – на кухне ужин тебе оставлен, если хочешь, поешь и ложись, небось, все ноги отплясала?

Я кивнула и, сказав спасибо, пошла на кухню, старясь не опираться руками о стены.

На блюде, прикрытом тарелкой, лежал большой кусок вареной курицы и рис.

Я схватила его руками, и начала его есть прямо с костями.

– Лена, ты что делаешь! – раздался возмущенный мамин голос, – кто же так кости куриные грызет, все зубы поломаешь.

– Ой, прости мамочка, – извинилась я и продолжила трапезу. Но под подозрительным маминым взглядом кости пришлось откладывать в сторону.

Как только в моем желудке появилась приятная тяжесть, слабость начала уходить, в глазах прояснело, и я пила чай, уже полностью придя в себя.

Почистив зубы, я переоделась, но, когда легла в постель, сна не было ни в одном глазу. Я крутилась, вертелась, переворачивала подушку, но ничто не помогало. Перед глазами стоял сегодняшний, долгий день, вместивший в себя так много событий. Ожидание свидания, дождь, сегодняшние танцы и самое главное; все время возникла картина – открытой ладонью я бью Юрку по лицу и он, как пушинка улетает в сторону.

– Может, это просто показалось, – в который раз, подумалось мне. Но картина, так запечатлевшаяся в голове, была совершенно реальной.

Однако, проворочавшись с час, мне все же удалось заснуть в обнимку с подушкой, и проснулась я только, когда утреннее солнышко припекло лицо своими лучами.

Бодро вскочив с кровати, я обнаружила, что время уже почти девять утра. Пару раз зевнув, приступила к одеванию и заправке кровати. В это время, видимо услышав мое хождение, в комнату зашла мама.

– Леночка, доброе утро. Ну, как ноги не болят после танцев, – спросила она улыбаясь.

– Доброе утро мамочка, у меня все в полном порядке, – бодро отрапортовала я.

– Это хорошо, а у меня для тебя есть сюрприз, – загадочно сообщила мама.

Я сразу забыла все свои переживания по поводу вчерашних событий и начала выспрашивать, что за сюрприз.

Мама сопротивлялась недолго и все выложила на блюдечке.

– Доча, ты через неделю едешь в лагерь комсомольского актива в Пергубе! – сказала она. От неожиданности я не могла сказать не слова и только недоверчиво глядела в ее сторону.

Мама вздохнула и начала рассказывать.

– Понимаешь, я вчера так же, как ты удивилась, когда мне на работу позвонил ваш директор школы. Он первым делом спросил, не уехала ли ты куда-нибудь, а потом сообщил, что на школу райком ВЛКСМ выделило еще одну путевку на старшекласников и вчера на партийной группе вместе с комсомольским бюро школы ее решили отдать тебе за активное участие в комсомольской работе.

Сказав все это, она внимательно уставилась на меня, наверно в поисках радости на лице. Не найдя ее, мама обратилась ко мне с вполне ожидаемым вопросом.

– Лена, ты не рада? Тебе не хочется две недели провести на природе, купаться, загорать? Я хмыкнула.

– Мама, если бы вы меня не отправляли каждый год в пионерский лагерь, ты могла бы вешать мне эту лапшу про купания. Я лучше проведу каникулы дома, буду на пляж ходить загорать. Погоди! Ты же меня обещала устроить на работу на июль, как же с ней теперь быть?

– Ой, успеешь наработаться, – отмахнулась мама, – отдыхай, пока время есть.

Я сделала вид, что раздумываю, и минутой позже глубокомысленно сказала:

– Знаешь, если хочешь, чтобы я хорошо отдохнула, отправьте меня к прабабушке Аглае.

– Лена! – сразу завелась мама, – сколько раз буду одно и тоже говорить, ноги твоей там не будет.

Я хихикнула.

– Мама, ты что серьезно думаешь, что прабабушка Аглая – колдунья? Ты же тоже была комсомолкой, даже Ворошиловским стрелком и такая суеверная.

Мама, как-то съежилась, говоря о своей бабушке.

– Не знаю, я всю жизнь ее боялась, до сих пор, если она приснится, целый день, как не своя хожу, – вдруг призналась она, – часто вспоминаю, как мы в детстве мимо нее на цыпочках

бегали. А цыганки за километр ее двор обходили и никогда второй раз в деревню нашу не заезжали.

Но папа ведь не боится, – снова начала я разговор, – прошлой весной ездил ей забор поднимал.

– Что ты отца приплетаешь, – возмутилась мама, – он взрослый человек, и прабабушке в нос пришелся.

– Так и я в нос пришлась, – пришел мне в голову ответный аргумент.

– Этого то и боюсь, – в сердцах сказала мама, и испуганно остановилась на полуслове.

– Но я услышала достаточно.

– Мама, так чего ты боишься? – тут же задала я очередной вопрос.

– А ничего я не боюсь! Все! Закончили разговор. Не хочешь ехать в лагерь сиди дома на жопе. Ходи по асфальту все лето, да на танцульки свои, – выпалила она и вышла, хлопнув дверями.

– Ай, на фиг! – подумала я, – Валька через три дня уедет в Выборг поступать, говорит там конкурс меньше, а мне что делать? Ничего, я папу уговорю и поеду в деревню, там ко мне никто приставать не будет. До обеда можно спать, бабушка с утра пирожков с щавелем нажарит, или блинов. Хорошо! А в этом лагере... могу представить, что там будет – примерно тоже самое, что в прошлом году в пионерском. Купание раз в день по десять минут, конкурсы дурацкие, походы, и игра в бутылочку по вечерам. Девки в комнате будут хихикать да глупости всякие рассказывать. Не хочу!

С такими мыслями отправилась завтракать. Мама, несмотря на нашу размолвку, уже приготовила яичницу с луком, и я с удовольствием начала ее поглощать.

– Значит, в лагерь не поедешь? – вновь вернулась она к предыдущему разговору.

– Не поеду, – коротко ответила я и встала, чтобы налить себе какао.

– Вот упрямая, вся в отца, – себе под нос буркнула мама, – ну не хочешь, как хочешь. Тогда наверно, хоть и не желательно, а придется отправить тебя на две недели в деревню.

– Ура! – завопила я, и, поставив кружку с какао на стол, обняла маму за плечи, – спасибо мамочка! Тогда я Валю провожу через три дня и сразу уеду в Серебряное.

– Ну, ладно-ладно, тебе, успокойся, что ты право, как маленькая виснешь, – смущенно сказала мама, – с одной стороны хорошо, что поедешь, хоть бабушке поможешь, дом приберешь, а то он напрочь грязью зарос. Я последний раз там три года назад все намыла. Так мне казалось, что меня все время кто-то холодными лапами за ноги хватает. Потом корвалол неделю пила, чтобы успокоиться. А вот тебя почему-то всегда туда тянет, как будто тебя бабушка, чем приманила.

Я слушала мамину речь и думала:

– Ой, можно представить, хватали тебя за ноги. Придумываешь ты все. Просто прабабушку Аглаю не любишь и она тебя тоже, поэтому так и говоришь.

Мне всегда было трудно понять мамину неприязнь, для меня прабабушка была связана с яркими солнечными днями, теплой речкой, запахом трав на чердаке. Мое любимое занятие было забраться туда, рухнуть в ароматное зеленое сено, заготовленное для козы Марфы, и лежать, разглядывая пучки разнотравья, висящие на балках. Я даже иногда ночевала там, хотя меня ждала в комнате кровать с большой периной. Под тихий стрекот сверчка, очень здорово засыпалось. В основном меня отправляла туда бабушка, чтобы я не мешала ей читать заговоры, приходящим к ней под покровом ночи, женщинам.

Но хоть я и не разбирала слов, с чердака их было не разобрать, но рваный ритм и мелодия оставляли странное впечатление и погружали меня в удивительное состояние безвременья.

Мне было лет шесть, когда я сидела у конуры и разглядывала нашего пса Шарика. Тот в это время зализывал порез на передней лапе и жалобно смотрел на меня. Не знаю почему, но я положила ладонь ему на лапу и начала без слов мурлыкать один из таких заговоров.

Пес затих, и только смотрел на меня своими большими добрыми глазами.

Понемногу эти глаза расплывались передо мной, и я уже не понимала и не ощущала, что вокруг происходит.

Неожиданный удар по щеке, заставил меня прервать напев, я подняла голову и увидела бабушку Аглаю, она стояла растрепанная, без своего платка, седая коса толщиной с мою тогдашнюю голень, висела у нее чуть не до земли.

– Ты что творишь, девка! – закричала она, – кто разрешил? С ума сошла!

Я, взявшись за горящую щеку, непонимающе смотрела на нее. Потом у меня брызнул фонтан слез.

– За чтооо, бабушка? – заныла я.

Та, вместо ответа, схватила меня за руку и потащила в дом. Там усадив на лавку, оглядела со всех сторон и изрекла:

– Еще раз услышу, как бормочешь то, чего не понимаешь, вицы получишь!

Ее разъяренный вид так запал в памяти, что мои редкие попытки снова вспомнить заговоры, не увенчались успехом. В первых классах я думала, что бабушка Аглая, действительно колдунья, но потом, когда стала пионеркой, прочитала, как вредны суеверия и религия и поняла, что моя бабушка просто гипнотизерка, об этом очень понятно было написано в анти-религиозной брошюре.

А воспоминание о том, что у Шарика после моего напева исчезла ранка на лапе, я постаралась выбросить из памяти.

Мама сегодня работала в первую смену, поэтому она быстро собралась и ушла, оставив меня в одиночестве. Сначала я прибралась на кухне. Помыла посуду, протерла пол, и вроде все дела на первую половину дня были сделаны. Погода с утра опять не баловала, и на пляж идти не хотелось. Я взяла в руки книжку и попыталась читать. Но чтение не получалось. Мысли все время возвращались к вчерашним событиям.

Странно, – думалось мне, – откуда в моей руке взялось столько силы. Интересно, а с Юркой ничего не случилось? Он так здорово стукнулся. У кого бы узнать? Валька все всегда знает. Может к ней в гости сходить?

Подруга жила вроде бы и недалеко от меня, но идти к ней, нужно было минут пятнадцать, потому, что короткий путь перегораживала глубокая траншея. Ее выкопали ранней весной, и закапывать пока не собирались. До Вали можно было еще проехать на автобусе первого маршрута, но я предпочла пройти пешком. На улице почти никого не было. Только редкие старушки с авоськами направлялись в магазин, Я медленно шла по улице, привычно читая кумачовые лозунги на домах.

Увидев надпись, «Слава КПСС», фыркнула, вспомнив анекдот, рассказанный совсем недавно одноклассником, про двух пьяниц, один из которых впервые узнал, что Слава КПСС – это не человек. Пройдя еще немного, я зашла в бакалею, чтобы купить чего-нибудь к чаю. У меня был заныканный рубль, который я и намеревалась потратить. Как обычно к прилавку стояла очередь. Но сегодня она была не очень длинная, всего человек пятнадцать. Так, что через сорок минут я, купив печенья и подушечек, довольная отправилась дальше.

Валина семья жила на первом этаже в двухэтажном восьмиквартирном доме. В небольшой двухкомнатной квартире у них было прописано шесть человек. Правда две старшие сестры уже работали, и жили в общежитиях, где под любыми предложениями отказывались от прописки. Так, что на самом деле сейчас Клевина жила с родителями младшей сестрой. Но как она сказала, скоро у них будет прибавление в семействе.

Однако Вальки дома не оказалось. Никто не мог сказать, куда она ушла и когда придет.

Пришлось мне не солоно хлебавши, отправиться домой. Хорошо хоть узнала, что уезжает Валя в Выборг завтра вечером.

Через два дня на вокзал я шла в одиночестве. Поезд отправлялся в середине дня, и провожать меня было некому. За плечами висел увесистый рюкзак с вещами, а в руках сетка с подарками для прабабушки. Телеграмма ей была уже отправлена, и получен ответ, что встреча на станции будет организована. Поэтому родители утром провели очередную беседу об осторожности, по очереди облобызали меня и отправились на работу.

Когда вошла в гулкий вестибюль, до прибытия поезда оставалось двадцать минут. Поэтому, купив в буфете мороженое, я уселась в практически пустом зале ожидания.

Вчера я уже здесь была, когда провожала Вальку. По пути мы с ней весело болтали. Но когда начали обниматься около вагона, Клевина неожиданно расплакалась, ну, и я начала ныть вместе с ней. Развела нас недовольная проводница, завопившая:

– Девочка! Быстро заходи в вагон, хорош, нюни распускать, не навек прощаетесь!

Поезд неторопливо тронулся, и я пошла вслед за ним, размахивая платком. В окне вагона мне в ответ махала рукой Валька, с улыбкой на заплаканном лице.

А сегодня настала моя очередь, только идти за вагоном было некому.

Я ничуть об этом не переживала и периодически нетерпеливо поглядывала на часы. К прибытию поезда, людей в зале прибавилось. Напротив уселся наголо стриженный парень и, улыбаясь щербатым ртом с фиксой, начал нахально разглядывать мои ноги. Я заметила на его пальцах выколотые перстни и поняла, что это тюремщик. Так моя мама называла отсидевших в тюрьме.

Мой нос заметил появления этого типа сразу, как он зашел в зал. И сейчас меня уже мутило от его запаха.

Я резко встала и вышла на перрон, волоча за собой свою поклажу.

– Тебе помочь? – послышался сзади хриплый голос, и на меня вновь пахнуло смесью немывтого тела, махорочного дыма и нечищенных зубов.

Обернувшись, я обнаружила, что тюремщик стоит рядом и протягивает руку к набитой сетке.

– Не тронь? – пискнула я, – сама донесу, – и прижала сетку к себе.

Вокруг было множество людей, и я не очень испугалась. Парень глянул по сторонам, и сказав:

– Не хочешь, как хочешь, – прошел дальше по перрону.

Через несколько минут подошел поезд и я, высчитав, где примерно остановится мой вагон, пошла в ту сторону.

– Когда собиралась в поездку, у нас дома разгорелся спор, ехать ли в общем вагоне, или все-таки купить плацкарт. Мама и я были за общий вагон, папа за плацкарт.

– Ну, зачем ей плацарт? – горячилась мама, – все равно в час ночи выходить. Только рубль зря за белье потратит.

Но папа победил.

– Я, что для единственной дочки рубля пожалею, – сказал он и добавил непреклонно:

– Поедет в плацкарте и точка!

Поэтому сейчас я пробиралась к своему месту через торчащие с левой стороны с верхних полок ноги пассажиров и думала, что лучше бы мне ехать в общем вагоне и не нюхать эти ароматы. Мое место оказалось занято бабулей, которая, увидев меня, явно обрадовалась.

– Ой, деточка, ты же уступишь бабушке нижнюю полку. Ты девочка легонькая, тебе на вторую полку легко забираться, – сразу затараторила она.

К такому варианту я была вполне готова, поэтому, уложив свой мешок и сетку под нижнюю полку, безропотно отправилась к проводнице за постельным бельем.

Когда поезд тронулся, я уже лежала на верхней полке с книжкой в руках.

– Может, хоть здесь ее дочитаю, – промелькнула в голове последняя мысль, перед тем, как заснуть.

Проснулась от желания сходить в туалет. Открыв глаза, обнаружила, что проспала несколько часов, потому, что за окном смеркалось. Мои попутчики внизу собрались поужинать, и от столика одуряюще несло жареной курицей, чесноком и салом.

– А Леночка, проснулась, – приветливо заговорила бабушка, – вот и молодец, давай спускайся, поможешь нам справиться с едой.

Я спрыгнула вниз, нашарила туфли побрела в сторону туалета. Около проводника туалет оказался занят и я, ругнувшись про себя, отправилась в другую сторону.

Когда подошла к дверям тамбура в стекле увидела, что напротив туалетных дверей стоит все тот же лысый парень, пристававший ко мне на перроне. Сердце тревожно застучало, и я остановилась у двери в раздумьях.

– Может, он в очереди стоит? – подумалось мне. Но парень, сверкнув золотым зубом, показал, что туалет свободен.

Я прошла мимо него и тщательно закрыла туалетную дверь. Уложив, специально взятую с собой газету на стульчак, я села него и в этот момент дверь туалета открылась, и в нее ввалился тюремщик.

Глядя на меня сумасшедшими глазами, он выхватил финку и приставил к шее.

Другой рукой он лихорадочно расстегивал ширинку и вытащил оттуда страшный фиолетово-красный бугристый член.

– Соси сука! – шепнул он мне, – а то зарежу. И поднес головку члена к моим губам.

– Рот открывай, тварь! – скомандовал он и нажал на финку, я почувствовала, как по шее потекла горячая жидкость.

От вонючего члена у меня перекрыло дыхание. Зашумело в голове и зазвенело в ушах. И тут, снова, как позавчера, на меня «накатило». Тюремщик застыл неподвижной статуей. Я немного подалась назад и отвела финку от шеи. Потом крепко схватила, торчавший перед моим носом, член и с силой провернула. Вокруг все по-прежнему застыло в неподвижности. Даже выражение лица у парня оставалось прежним.

Я поднялась и быстро выскочила из туалета. Перед входом по-прежнему никого не было. Облегченно вздохнув, побежала по коридору.

– *Надо уйти, подальше!* – стучала одна мысль в голове. Пройдя вагон, я вышла в тамбур. В нем никого не было. Я прислонилась к стенке, и тут все опять пришло к жизни. Застучали колеса по стыкам рельсов, послышался шум ветра. А я опять боролась с резкой слабостью и прилагала все силы, чтобы не упасть.

Тут открылась дверь и в тамбур выскочила взволнованная проводница, она молнией проскочила мимо меня в следующий вагон.

Я, немного придя в себя, зашла обратно и увидела, что весь проход занят выскочившими в него пассажирами, которые оживленно переговариваются между собой.

– Что случилось, – спросила я у пожилой женщины стоявшей прямо передо мной.

– Ох, девочка не знаю, – вздохнула та, – буквально минуту назад в туалет женщина пошла, а там мужик без сознания лежит. И ножик рядом валяется.

Тут она перешла на шепот:

– Муди ему вроде бы отрезали, проводница за мильтоном побежала.

– А чего народ в коридоре столпился? – продолжила я свои расспросы.

– Эта баба начала кричать диким голосом в тамбуре так, что мертвого можно разбудить, вот все и повскакали с мест, – сказала женщина и тут же спросила:

– А ты что не из этого вагона?

– Из этого, – подтвердила я, только я в туалет ходила, а потом в тамбур вышла подышать, там прохладно. Очень уж жарко в вагоне.

В это время сзади меня появилась проводница в сопровождении высокого милиционера. Тот громко произнес:

– Граждане, прошу вас разойтись по местам и не мешать работе проводника. Через полминуты в проходе никого не было. Милиционер с проводницей проследовали дальше, и я спокойно за ними прошла в свое купе.

Там уже никто не ужинал, все оживленно обсуждали происшествие, и что могло случиться с мужчиной, если у него как осторожно выразилась старушка, перед этим искоса глянув на меня.

– В паху все расперло и почернело!

Я уселась рядом с толстым дядькой, который все время выглядывал в проход, вместе с другими любопытными. Слабость не проходила, наоборот, в глазах потемнело, казалось, что сейчас потеряю сознание. Я уже хотела попросить соседа, чтобы тот помог забраться наверх, когда мимо нас еще одна проводница пронесла носилки в сторону тамбура. А через пару минут милиционер с какой-то бледной взволнованной женщиной прошел в противоположном направлении.

– На допрос повел бедную, – посочувствовала старушка и по моим глазам увидев, что мне ничего не понятно, пояснила:

– Эта женщина первая увидела, что парень в туалете лежит. Ох, она и кричала! Я думала у меня сердце выскочит. Видали, носилки принесли, на следующей станции отправят в больницу болезного, – громко объявила старушка, – и чего это с ним такое приключилось? – задала она вопрос в никуда.

Толстый дядька в ответ сказал:

– А не наше это дело, пусть им те, кому положено занимаются. А я лучше чай допью.

Он раскрыл тряпичный сверток, ножом нарезал несколько ломтей сала, положил один горбушку черного хлеба и протянул мне.

– Держи девушка, растущему организму хорошо питаться нужно, – сообщил он.

Я поблагодарила и впилась зубами в ароматное сало. Уже с первым проглоченным куском, мне стало гораздо лучше. По крайней мере, черная пелена с глаз ушла.

В это время бабушка повела носом и с подозрением спросила:

– Что-то паленым запахло, не горит ли случаем чего?

Мой нос, уставший от обилия запахов, после этих слов обнаружил, что паленым действительно пахнет.

И только тут я поняла, что этот запах идет с моей стороны. Оглядевшись, заметила, что на манжетах платья есть небольшие подпалины. В это время женщина, сидевшая рядом с бабулей добродушно засмеялась и спросила:

– Девочка, а ты знаешь, что у тебя брови обгоревшие? Ты, наверно, проводнице титан помогала разжигать?

– Я провела пальцем по брови, и с нее осыпалось облачко пепла.

– Наверно я так быстро двигалась, что у меня брови обгорели! – пришла разгадка, и меня затрясло от переживаний. Я не могла сказать ни слова и в ответ на вопрос только кивнула головой.

Этого хватило, чтобы тема разговора перешла с происшествия в туалете на различные случаи с розжигом печек.

Меня покритиковали за неловкость и продолжили беседу. Она прервалась, когда остановке все кинулись к окну посмотреть, как из тамбура на перрон сгружают носилки с больным. Вновь разговор перешел на предположения, что случилось с пассажиром.

Закончил эту тему дядька сказавший:

– Что тут голову ломать, все уже знают, что он бывший зэка, наверно, в чем-то провинился, вот его приятели и изуродовали. В последнем купе все спали, никто в тамбур не смотрел. Так, что ничего странного, что никто ничего не видел. Ого! – воскликнул он, посмотрев

на меня, – ты уже бутерброд умяла, ну-ка бери еще, вот твой чай стоит, мы на тебя заказали, попей, а то потом захочешь, а его и не будет.

– А вода дырочку найдет! – добавил он добродушно.

– Спасибо, – поблагодарила я, – я ночью уже приеду. Так, что в следующий раз чай буду пить дома.

– Ну, такого то не будет, – продолжил дядька, – в поезде чай особо вкусный.

Начался новый разговор про чай, а я воспользовавшись, что про меня забыли, с трудом забралась на верхнюю полку и начала переживать все случившее со мной с самого начала.

Было очень страшно и непонятно. Что происходит? Откуда у меня берется такая сила, и почему я двигаюсь так быстро. Еще несколько дней назад, до странной встречи на пляже, у меня все было в порядке. Постой! Странная встреча? Саша, и укол в шею в кинозале. Может, у меня все началось от этого укола?

– Да, ну, не может быть. Здесь что-то другое, – успокаивала я себя, – Наверно у меня просто болезнь, про которую еще никто не знает.

Так в сомнениях и волнениях я незаметно погрузилась в сон.

Этот сон нарушила проводница, дотронувшаяся до моего плеча и шепнувшая:

– Девочка, вставай, твоя станция через полчаса.

Я соскочила вниз, осторожно оделась, и только потом разбудила бабулю, чтобы достать свои вещи.

В вагоне кроме меня никто не собирался выходить. Поэтому я без проблем прошла к выходу.

Проводница, стоявшая в тамбуре с фонарем озабоченно спросила:

– Тебя хоть встречают?

– Конечно, – сказала я. Мы стояли с ней вдвоем около дверей и под стук колес разглядывали пробежавший мимо нас еловый лес, темневший в призрачном свете белой ночи. Поезд замедлил ход, лес стал редеть, и я увидела приближающееся станционное здание. На перроне тускло освещенном несколькими фонарями, кроме фигурки дежурного, никого не было видно.

– Ну, и кто тебя встречает? – скептически спросила проводница, и с грохотом подняла подножку.

– Бабушка обещала, значит, встретят, – сказала я и, попрощавшись, спустилась на перрон.

Выходя, я накинула шерстяную кофту, но на улице было удивительно тепло, поэтому сняв кофту и спрятав ее в рюкзак, двинулась по знакомой тропинке в сторону деревни.

– Не успела я сделать и несколько шагов, как послышался старческий голос, кричавший:

– Ленка! Ты куда собралась? Да стой же тебе говорю. Вот же етишкина жизнь, все самостоятельные стали!

Обернувшись, я увидела, как ко мне, прихрамывая, идет бабушкин сосед дед Евсей.

Он, как всегда был в своих галифе, заправленных в хромовые сапоги, рубахе косоворотке и картузе с ломаным козырьком. В руках у него торчал кнут, без которого он никогда не появлялся.

– Ой, здравствуй дедушка! – обрадовалась я. Перспектива идти одной три километра по лесной дороге меня совсем не радовала.

– Здравствуй, красна девица, – улыбаясь, сказал дед, потом обнял меня за плечи и звучно чмокнул в лоб.

Ох, и намучился я тебя, дожидаясь! – сразу начал он жаловаться, – бабка твоя покою ведь не дала, над душой стояла, – езжай мол, да езжай, а вдруг поезд раньше придет. Пришлось, Шаньку запрячь и ехать, а то ведь старуха чуть дырку в голове не высверлила.

Не переставая говорить, Евсей увлек меня к телеге, в которую была запряжена старая кобыла Шанька. Она стояла, спокойно помахивая хвостом, и хрупала что-то из стоявшего

перед ней мешка. Когда я подошла ближе, та вдруг испуганно заржала и дернулась, увлекая за собой телегу.

– Но-но! Не балуй! – закричал дед и схватился за вожжи.

Лошадь остановилась, но продолжала косить на меня испуганным глазом.

– Что это с ней такое, – недоумевал дед, – может, ты с поезда запах какой принесла?

– Не знаю, деда. – ответила я, скинула свою поклажу на телегу а затем уселась сбоку, так, чтобы можно было разговаривать с Евсеем.

Дед чуть шевельнул вожжами, и Шанька послушно двинулась вперед.

Пока мы собирались, на востоке уже появился багрово-красный кусочек солнца. И сейчас мы ехали по узкой ухабистой дороге, с обеих сторон которой поднимался густой туман, из которого периодически выглядывали корявые ветви деревьев.

Было такое ощущение, что на всей земле никого нет кроме нас, и мы медленно плывем через туман в необычайную сказочную страну.

Единственное, что мешало полностью ощутить это состояние, была дедова болтовня. Он уже успел просветить меня, что бабка Аглая, слегка приболела, поэтому сама не поехала меня встречать. Но пироги испечены, поэтому, по приезду домой нас ожидает роскошная трапеза, а деда ждет еще шкалик Московской.

Понемногу лес стал редеть, а вместе с ним уходил туман. Начались поля колхоза «Путь Ильича», который тридцать лет был старинной деревушкой Серебряное.

Это название, со слов местных жителей было дано чуть не тысячу лет назад, когда на перешейке между двумя озерами остановилась рать какого-то князя и он под утро, выйдя из шатра поглядев на раскинувшееся озеро, сказал:

– Ишь, прямо, как серебром налито блестит.

С тех давних пор с легкой руки князя озеро стало Серебряным, а с ним и деревня.

Легкий ветерок сдул туман и сейчас мы ехали по все больше сужающей полосе земли между двумя озерами, Грязным и Серебряным, по которой в два ряда домов протянулась деревня.

Сама деревня еще во всю спала. На наше появление отозвались лишь несколько собак, да и то, лаяли они без всякого энтузиазма.

Прабабушкин дом стоял в дальнем конце деревни, немного на отшибе, поэтому мы проехали до дома деда Евсея, больше напоминавшего развалину, где он распряг лошадь и, сняв с нее хомут и сбрую, завел в бревенчатый сарай без крыши.

– С утра в конюшню отведу, – объяснил он мне и, схватив с телеги рюкзак, пошел вместе со мной к бабушке.

В ее большом высоком доме горел тусклый огонек в одном окне.

Когда мы подошли к калитке, залаял Шарик, Но его лай почти сразу перешел в радостное повизгивание. Видимо бабушка нас ждала, потому в этот момент скрипнули петли, и открылась входная дверь. На пороге стояла моя прабабушка, высокая сухопарая старуха, сколько я помнила, она всегда была такой и совсем не менялась.

– Ну, старая, получай свою правнучку в полном здравии! – громко сказал Евсей, – и вообще, что-то так жрать хочется, что переночевать негде.

– Все неймется тебе пьяница, добрые люди спят ночью, а не водку хлещут, – проворчала бабушка и обняла меня.

– Здравствуй внучка! Наконец тебя дождалась, – сказала она и тут же оттолкнула и начала пристально разглядывать.

– А это еще, что за дела? – вслух удивилась она, – ну-ка быстро, идем в дом.

– Эй, а меня ты, что не приглашаешь? – встревожился дед.

– Да идем уж, старый ты пень, – сказала бабушка и прошла в коридор.

Там на старом комодѣ стояла горящая керосиновая лампа. В ее свете мы прошли на кухню. Я, по привычке, войдя туда, щелкнула выключателем на стене, но лампочка не загорелась.

– Ишь, ты, – съязвил дед, – городские думают, что в деревне лепестричество все время есть. Не милая, дизель у нас ночами не работает. Мишке-дизелисту тоже спать надобно. Включат только в пять часов, когда доярки на дойку пойдут, Ныне у нас два доильных аппарата привезли, так они эту, как ее? Аprobацию проходят.

Бабушка, тем временем, зажгла еще одну лампу, и в комнате стало светлей. Она отодвинула крышку русской печи и вытащила оттуда противень с пирогами. После чего откуда-то достала четвертинку водки.

Дед оживленно потер руки, глянул на ходики.

– О, как раз половина третьего утра, пора петухам первый раз кричать, – сказал он и набулькал себе полный стограммовый стаканчик.

– Эх, хорошо проклятая пошла, – крякнул он, после того, как одним махом проглотил его содержимое. Потом схватил пирог и начал есть, соря крошками.

Бабушка поморщилась, но ничего не сказала и налила мне кружку чая из стоявшего на столе самовара.

– Бери пирожок вот этот со щавелем, тебе же они нравятся, – посоветовала она и придвинула ко мне противень.

Сама она ничего не ела, сидела напротив, подперев подбородок руками, и озабоченно разглядывала меня.

Дед допил водку и порывался что-то спеть, но стоило бабушке сдвинуть брови, как он вскочил и, схватив картуз, вышел в коридор.

– Ты, эта, меня толкни часиков в шесть, – сказал он бабушке из дверей, – пойду коров по деревне собирать, а пока на сеновале твоѣм покемарю.

– Иди-иди, – ответила бабушка, – разбужу, куда денусь.

Потом она повернулась ко мне и нахмурила брови.

– Так, – сказала она, – сейчас давай разбираться с тобой. Оборотня след чую.

– Рассказывай, что произошло.

Сейчас бабушка совсем не казалась доброй и старой. Она пристально смотрела на меня и ее губы шептали наговор.

На море на Окиане, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый; а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц – золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской.

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Огоньки в керосинках замигали, и черные тени побежали по стенам.

– Какие оборотни, бабушка ты сошла с ума! – хотела я закричать, но вместо этого из моего горла вырвалось хриплое рычание. Пирожок, который я держала в руках, оказался проткнут выросшими острыми ногтями.

Бабушка выставила вперед руку, в которой был зажат пучок травы.

– **Вот тебе оборотень полынь! Сгинь оборотень сгинь!** – крикнула она.

Неожиданно появилась жуткая слабость, и я чуть не упала с лавки.

Бабушка с кряхтением встала и, взяв меня подмышки, потащила к кровати. Уложив на перину и поправив подушку, она уселась рядом и сказала:

– Давай признавайся, как все случилось, кто инициацию провел?

Мне, однако, было не до разговоров. Я с ужасом разглядывала свои руки, покрытые густым белым волосом и острые трехсантиметровые когти, торчавшие из скрюченных пальцев. И тут волосы начали быстро втягиваться в кожу, а когти уменьшаться в размерах.

Голова закружилась, мир покачнулся вокруг меня и исчез. Когда пришла в себя, на улице совсем рассвело. В открытое окно доносились человеческие голоса, урчание тракторов и овечьё блеяние.

В комнате стоял интенсивный запах мяты с валерианой. Я повернула голову и обнаружила, что прабабушка Аглая сидит у стола, опустив голову на руки, и храпит.

– Бабушка, – тихо спросила я, – ты спишь?

– А, что, – встрепелась та, – ну, что проснулась девка, ох, и напугала ты меня этой ночью.

– Бабушка, так это мне не приснилось? – робко поинтересовалась я.

– Не приснилось, – сказала, как припечатала бабушка, – я в тебя зелья сонного столько влила, думала, что до вечера без задних ног дрыхнуть будешь, а ты даже четырех часов не спала.

Помнишь, о чем я тебя ночью спрашивала? – впиалась она своим взглядом прямо в мои глаза.

– Помню, – призналась я, и сразу продолжила, – бабушка, но ведь оборотней не бывает, это все сказки и пережитки прошлого. Ты наверно на мне гипноз использовала. Мне это все просто приснилось?

– Ох, Лена, никакого гипноза я не делала. И не приснилось тебе ничего. Кровь в тебе проснулась предков наших. Очень хочется узнать, какой храбрец нашелся, что ее в тебе пробудить смог, – задумчиво сказала бабушка, – давай, рассказывай, может, заметила, когда с тобой чудные дела стали твориться?

Я, удивляясь собственному спокойствию, начала рассказывать, о последних днях перед поездкой. Бабушка внимательно слушала, и не перебивала меня до тех пор, пока я не рассказала о своем новом знакомом и, как он укусил меня в кинотеатре.

– Ааа, вот в чем дело! – закричала она, – ну, охальник, ну паразит, я так тебе это не спущу, ты у меня кровью харкать будешь! На правнучку мою планы состроил!

Она вышла в коридор и вскоре вернулась с десятком фигурных, стеклянных флакончиков.

– Нюхай! – приказала она, сняв с первого притертую пробку.

Я послушно нюхнула и вопросительно глянула на бабушку.

– Ну, что повесой твоим не несет? – спросила она.

Я отрицательно мотнула головой, и бабушка открыла следующий флакон.

Через несколько минут все флаконы были мной обнюханы, а нужного запаха так и не нашлось.

Бабушка, красная от злости, ругалась во весь голос, а я лежала и не знала, что делать. В голове была жуткая каша из мыслей.

– Как же так, я комсомолка, не верю ни в каких чертей и русалок, сама уже провожу политинформации, и вдруг оказалось, что я – оборотень. Нет, этого не может быть! Мы просто с бабушкой сошли с ума! – пришла моя голова к окончательному выводу.

– Бабушка, а я в кого могу оборачиваться? – неожиданно для себя самой вылетел из моего рта вопрос.

– Хм, а ты как думаешь? – вопросом ответила та.

Я немного помедлила с ответом, и затем уверенно сказала:

– В рысь.

Мы сидели с бабушкой, в десятый раз пили чай, и она, как в прошлом году, рассказывала о своей жизни. Но, сейчас с такими подробностями, о которых я раньше и не подозревала. За окном светило солнышко, пели птицы, а меня не покидало чувство нереальности происходящего. Казалось, что сейчас прабабушка Аглая рассмеется, и скажет:

– Лена, да я пошутила, ничего такого нет, тебе просто все приснилось.

Но бабушка как раз начала говорить о том, что последним, кто мог перекидываться звёздой, был ее дед, умерший задолго до революции, а было ему почти сто пятьдесят лет.

А потом никому это способность не давалась, разве, что почти все женщины имели талант к лечению.

– Баба твоя Анна, была лекарка знатная, – сказала прабабушка, вытирая слезу, – в войну в Белоруссии германцы ее убили, узнали, что партизан лечила. А matka твоя, Варька – бесталанная совсем. Даром, что мужика хорошего захомотала, – перешла она на моего папу.

– Вот золото мужик, – похвалила она, – все в руках горит. Хоть и нехристь. Видала, какой он мне забор сделал?

Я кивнула, и прабабушка продолжила свой монолог.

– Когда тебя Варька родила и мне на смотрины представила, сразу ясно стало, что есть дар в тебе. Вот только кем ты можешь прикидываться, тогда не поняла. Думала, есть еще время, разберусь. А вишь, как вышло, какой-то холуй меня опередил. Увидел тебя и сразу дар раскрыл, дела ему нет, что дикий оборотень по городу будет шляться.

– Ох, Ленка! Есть Господь на белом свете, что родители тебя ко мне отправили. Натворила бы делов, вовек не разгребли. А может, ты уже людей жизни лишиться успела? Признавайся! – прабабушка поводила корявым пальцем у меня перед носом.

Пришлось рассказать ей о случае в поезде.

Но за него бабушка ругать не стала, наоборот, пожалела, что я так мало сделала.

– Правильно, надо таким извергам рода человеческого укорот давать. Нужно было ему муди вообще с корнем выдрать и в очко выбросить, – рассержено сказала она.

– В какое очко? – удивилась я.

– Ну, в дырку в нужнике, – неохотно пояснила бабушка.

– Бабушка, – укоризненно сказала я, – что ты говоришь, меня бы кровью с ног до головы забрызгало.

– Ого! – с усмешкой воскликнула бабуля, – чую родную кровь, не стала возмущаться зачем, почему, а сразу по делу, как без крови обойтись. А этому я тебя научу, ничего сложного, – добавила она, выглянув в окошко.

– Хоть и никого вокруг не чувствую, – но береженого бог бережет, – сообщила она, закрыв раму.

Я тоже никого вокруг не ощутила о чем и сообщила бабушке Аглае. А потом спросила:

– Бабушка, ты папу нехристом обозвала, а сама в церковь не ходишь, и поп тебя боится, я еще в прошлом году видала, как он мимо нашего дома шел и плевался.

Та перекрестила лоб, глядя на икону в красном углу, и строго сказала:

– Господь в своей милости всех нас любит и жалеет. Мне для того, чтобы с богом говорить, попы без надобности. Я сама ему в грехах каждый день каюсь. Может он, в своей милости неизреченной позволит хоть умереть спокойно.

Она на миг остановилась, и мне снова удалось влезть со своими вопросами.

– Бабуля, а как ты думаешь, мальчик, что меня укусил, откуда взялся, и почему не пришел, как обещал? Он же сам предложил встретиться на следующий день.

– Сама в непонятках, – пожала плечами бабушка, – ну, для чего он тебе свиданку назначил, в этом все ясно – посмотреть хотел, как у тебя превращение идет. Эта, как ее мета... мита... митромоф... ага! Вспомнила, метаморфоза!

Бабушка гордо посмотрела на меня. Я тоже была впечатлена, такого мудреного слова мне еще слышать не доводилось.

Бабуль, – а ты где слышала такое выражение? – тут же поинтересовалась я.

Та, наморщила лоб, и явно что-то припоминая начала рассказывать.

– Ленка, давно энтó было. Еще при Николашке придурошном. Я тогда молодая, здоровая была, а годков мне было всего сорок. Как-то взял меня в прислуги врач наш уездный, Ребровский Иван Палыч.

Знал он, что ходют ко мне людишки болезные, вот и решил выведать, почему у него они все на кладбище переселяются, а у меня живехоньки. Я сдуру не поняла, чегóй-то он мне должность предложил, и сразу согласилась, Федя то мой ненаглядный на японской войне сгинул, а я с дитями горе мыкала. Ко мне, кто тогда ходил лечиться – голь перекатная, они сами без копейки сидели. Так и со мной расплачивались, то картохи полмешка, то мучицы принесли. А тут Иван Палыч два рубля с полтиной обещал за месяц платить. Большие деньги по тем временам.

– Так бабушка, ты, когда про метромарфозу скажешь? – перебила я ее рассказ.

– Молчи! Не перебивай! – рявкнула бабуля и продолжила:

– Я тогда еще грамоту не разумела, так, по складам слово могла прочесть. А у доктора книг было море, наверно штук тридцать. Мне их было велено раз в месяц от пыли протирать. Вот я их протирала, да разглядывала. И тут меня как стукнуло, в одной книжке картинку увидела, как человек в волка оборачивается. Я Степана Панкратыча, деда своего сразу вспомнила. Бывало, посадит меня на коленки, гладит по волосам и приговаривает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.